

SciPress.ru

Научно-издательский центр

ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ

РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№02 (94) 2023

ISSN 2412-8953

9 772412 895000 >

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №02 (94). 115 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Гусейнова Т.В. Использование электронной информационно-образовательной среды для обучения русскому языку иностранных слушателей	7
Семенова И.В., Крапивенцева В.Н. Принципы успешной коммуникации и их отражение в русской фразеологии	12
Языки народов Российской Федерации	18
Дзахова В.Т., Кесаева Ф.Д. Осетинско-немецкая интерференция в области согласных: причины возникновения и пути устранения.....	18
Германские языки	23
Воробьева Е.Н. Повтор как синтаксическое средство выразительности текста (на материале английского языка)	23
Денисова Н.В., Кованова Е.А. Nonce Words in Children's Literature: Stylistic and Pragmatic Functions	30
Мжачева М.В. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранному языку	37
Надточенко И.А. Сложности, с которыми сталкиваются переводчики научно-технических текстов	42
Теория языка	50
Гимпельсон Е.Г. Системы риторических жанров как основа построения частных риторик	50
Дутова Н.В. Прагматический потенциал английской грамматики в массмедийном дискурсе	59
Романов А.В., Домрачева А.И., Гречишников Н.В., Артемьев И.В. Искусственные языки для общения между людьми.....	66
Таджибова З.Т. К вопросу о понятии «Концепт» в современной лингвистике	73
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	80
Абреимова Г.Н. Структурные и семантические особенности употребления фразеологизмов библейского происхождения в произведениях и дневниках М.М. Пришвина	80
Черникова Е.О., Чернышова Л.А., Сачкова Е.В. Основные типы терминов-синонимов в составе англоязычной экологической терминологии	87

Литература народов стран зарубежья	95
Пиняева Е.В. The use of history, gender and magical realism in Jeanette Winterson’s “The Passion”	95
Теория литературы. Текстология	103
Бузина Е.И. Интерпретация информативных сот в архитектонике текстового пространства	103
Лингвокультурология	109
Маслов Г.Н. Русский и итальянский анекдот в пандемию коронавируса: антикризисный юмор на пути к новому благополучию	109

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'243

Гусейнова Т.В. Использование электронной информационно-образовательной среды для обучения русскому языку иностранных слушателей

Гусейнова Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков
Уфимский юридический институт МВД России, РФ, г. Уфа
yatv0202@mail.ru

Using electronic information and educational environment for teaching russian to foreign students

Guseynova Tatyana Viktorovna

Cand. Philol. Sci., Docent of the Department of Foreign and Russian Languages
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Ufa

Аннотация. Весной 2020 года педагогическое сообщество научилось быстро приспосабливаться к изменениям в сфере образования. «Использование электронного учебного курса (ЭУК), позволяющего обеспечить информационную, методическую, технологическую поддержку образования в особых условиях» [1], стало передовой инновационной технологией в их деятельности. ЭУК в роли одного из основных средств реализации технологий обучения и контроля в профессиональном образовании [2] является актуальным по сей день. В данной статье на основе анализа, систематизации и обобщения данных приводятся примеры использования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) в современных условиях. Автор указывает, что методически грамотно выстроенный электронный учебный курс способен стать одним из эффективных инструментов повышения качества образовательного процесса.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда, электронный учебный курс, русский язык как иностранный, иностранные слушатели, подкаст, аудио-/ видеоконтент.

Abstract. In the spring of 2020, the pedagogical community has learned to adapt quickly to changes in the field of education. «The use of an electronic training course, which allows providing information, methodological, technological support for education in special conditions» [1], has become an advanced innovative technology in their activities. Electronic training course as one of the main means of implementing training and control technologies in vocational education [2] is relevant to this day. In this article, based on the analysis, systematization and generalization of data, examples of the use of electronic information and educational environment in modern conditions are given. The author points out that a methodically well-structured e-learning course can become one of the effective tools for improving the quality of the educational process.

Keywords: electronic information and educational environment, electronic training course, Russian as a foreign language, foreign students, podcast, audio/video content.

На сегодняшний день в образовательных организациях МВД России иностранные слушатели обучаются преимущественно в офлайн-формате, при этом преподаватели русского языка как иностранного могут пользоваться не только традиционными учебниками и учебно-методическими пособиями, но и электронными учебными материалами в процессе обучения языку как на практических занятиях, так и во время самостоятельной подготовки слушателей. «Использование традиционных и инновационных методов в практике преподавания русского языка как иностранного представляется актуальным, так как значительно повышает интенсивность языкового обучения» [3].

В Уфимском юридическом институте МВД России преподаватели и обучающиеся обращаются прежде всего к ЭИОС, разработанной специалистами отдела информационно-технического обеспечения учебного процесса. Система дистанционного обучения института позволяет создавать ЭУК, наполнять его необходимым учебно-методическим материалом, заданиями, проводить текущий и итоговый контроль, отслеживать учебную активность обучающихся, общаться с обучающимися в чатах, решать различные вопросы на форумах, а также проводить занятия в режиме видеоконференций с помощью вебинарной комнаты BigBlueButton.

Хотя в данный момент и нет регулярной необходимости вести онлайн-занятия в группах иностранных слушателей, ЭИОС все же остается одним из эффективных средств обучения. Она позволяет преподавателю ознакомить обучающихся с электронной версией рабочей программы дисциплины и планов практических занятий, использовать на занятиях и во время самоподготовки учебные, учебно-практические пособия, разрабатываемые и систематически публикуемые профессорско-преподавательским составом кафедры иностранных и русского языков, размещать гиперссылки на учебники, к примеру, представленные на образовательной платформе «ЮРАЙТ». ЭУК в данной среде на всех этапах процесса обучения русскому языку дает преподавателю возможность с помощью элемента «Тест» эффективно проводить предварительный, текущий контроль знаний, умений, а также вести учет успеваемости каждого обучающегося.

Отметим то, что ресурс «Гиперссылка» помогает значительно расширить предоставляемую информацию. Он позволяет размещать на странице курса URL-адрес конкретной веб-страницы в форме самостоятельного ресурса. Такая ссылка может быть связана с любым контентом, который находится в свободном доступе в сети Интернет (например, текстовые документы, изображения, аудио-и видеоконтент и другое). К примеру, в ЭУК «Иностранный язык (русский язык как иностранный)»,

разработанном для иностранных обучающихся первого и второго курсов, мы разместили гиперссылки на короткие видеоуроки по изучаемым грамматическим темам. Они нужны слушателям, пропустившим по тем или иным причинам занятие либо желающим повторить изученный материал во время самоподготовки.

Добавим также, что полезными бывают ссылки на образовательные платформы для обучения русскому языку как иностранному, направленные на овладение иностранцами русским языком, к примеру, на элементарном и базовом уровнях в системе довузовского образования (например, [4]). При выборе подобных платформ особое внимание обращается на качество видеоконтента, соотношенность его визуального ряда с современностью и возможность смотреть данный контент с субтитрами на разных языках. Учебные диалоги курсов должны быть построены на основе реальных коммуникативных ситуаций с актуальным для иностранцев лексико-грамматическим содержанием. Важно и то, чтобы для каждого видеоконтента были подготовлены грамматические комментарии и разнообразные задания, направленные на реализацию всех видов речевой деятельности (чтение, письмо, аудирование, говорение).

Нельзя переоценить значимость погружения инофонов в языковую среду для эффективного усвоения изучаемого языка [5]. Практика показывает, что на русском языке они говорят лишь на аудиторных занятиях, а во внеаудиторное время для межличностного общения используют родной/государственный язык. И восприятие русской речи на слух также происходит преимущественно на занятиях. Все это несколько притормаживает развитие и совершенствование навыков аудирования и говорения.

Повысить коммуникативную направленность обучения позволяет использование аутентичного аудио-/ видеоконтента. В структуре ЭУК с помощью ресурса «Гиперссылка» преподаватель может составить комплекс подкастов, которые можно выбирать с учетом направления подготовки обучающихся и использовать в качестве своеобразного приложения к основной программе обучения. Отметим, что «подкастом называется отдельный звуковой файл (реже видеофайл) или регулярно пополняемая серия таких файлов, публикуемых на специально созданном ресурсе интернета, с возможностью воспроизведения, загрузки, сохранения и использования в удобное для учащегося время» [6]. Просмотр или прослушивание подкастов позволяет создавать условия, соответствующие или приближенные к реальной жизни, а подкасты культурологической направленности способствуют реализации потребности в полноценной языковой и социокультурной адаптации в регионе

обучения [7]. Материал подкастов детально разбирается на практических занятиях, а затем просматривается инофонами повторно во внеаудиторное время с выполнением дополнительных заданий, к примеру, предложить возможные варианты развития событий. Благодаря прослушиванию/просмотру подкастов происходит своеобразное погружение в языковую среду.

Полноценное овладение языком, как известно [8], невозможно без чтения художественных текстов. Мы считаем, что эту работу по возможности нужно сопровождать прослушиванием/ просмотром аудио-/ видеоконтента, содержащего чтение произведений русской литературы мастерами художественного слова, что, с одной стороны, ведет к совершенствованию аудитивных навыков, поможет иностранцам глубже понять художественный текст, представить себе и пережить то, о чем говорит поэт/ писатель. Этому способствует актерская творческая интерпретация, основанная на профессиональной подготовке актера, его опыте, специфическом мировидении, особенном эмоциональном настрое, умении возбуждать в себе нужные эмоции [9]. С другой стороны – подобная работа необходима для развития слухопроизносительных навыков, так как в указанных контентях искусно отражаются интонационные переливы, мелодика, темпоритм живой русской звучащей речи. В процессе самостоятельной подготовки к выразительному чтению, прослушав аудио-/ видеозапись работы актера, инофоны стремятся скопировать ее. Записав и прослушав аудиозапись своего чтения, сравнивают его с оригиналом, пытаются обнаружить и устранить неточности. В связи с этим включение в структуру ЭУК аудио-/ видеоконтента с работами мастеров художественного слова видится важным.

Считаем, что методически грамотно выстроенный электронный учебный курс способен стать одним из эффективных инструментов повышения качества образовательного процесса в современных условиях.

Список литературы

1. Бакирова Л.Р., Гусейнова Т.В., Сергеева Е.Н. Организация электронного учебного курса как важная составляющая подготовки к дистанционному обучению русскому языку как иностранному // *Успехи гуманитарных наук*. – 2021. – № 4. – С. 49-52.
2. Бакирова Л.Р. Из опыта организации электронного учебного курса по русскому языку как иностранном // *Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса: материалы всероссийской научно-методической конференции, Омск, 28 февраля 2022 года*. Том Выпуск 6. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. – С. 47-50.
3. Михайлушкина О.А., Романюк Е.С., Филимонова Н.Ю. Особенности дистанционного обучения иностранных студентов на предвузовском этапе // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2021. – № 1. – С.114–121. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-](https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti)

- distantionnogo-obucheniya-inostrannyh-studentov-na-predvuzovskom-etape (дата обращения: 24.01.2023).
4. Время говорить по-русски! – URL: <https://timetospeakrussian.com/ru/#> (дата обращения: 12.01.2023).
 5. Прокопчук А.Р., Гаврилова Е.А. Использование информационно-коммуникационных технологий для создания языковой среды в процессе обучения иностранному языку в вузе // Colloquium-journal. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-dlya-sozdaniya-yazykovoy-sredy-v-protssesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v> (дата обращения: 23.01.2023).
 6. Савостьянова Ю.И., Сичинава Ю.Н. Интеграция системы языковых подкастов в учебный процесс военного вуза // Теория и практика общественного развития.– 2014. – № 14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-sistemy-yazykovyh-podkastov-v-uchebnyy-protsess-voennogo-vuza> (дата обращения: 20.01.2023).
 7. Гусейнова Т.В. Реализация регионального компонента при обучении артикуляции русских звуков на занятиях по русскому языку как иностранному // Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 19 марта 2021 года / Ответственные редакторы В.В. Посиделова, Н.Г. Келеберда. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 82-87.
 8. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. – М.: «Златоуст», 2015. – URL: <https://www.libfox.ru/635925-natalya-kulibina-zachem-что-i-kak-chitat-na-uroke-hudozhestvennyy-tekst-pri-izuchenii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo.html> (дата обращения: 25.01.2023).
 9. Суленева Н.В. Единство воли и воображения при чтении художественных текстов актерами // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-voli-i-voobrazheniya-pri-chtenii-hudozhestvennyh-tekstov-akterami> (дата обращения: 20.01.2023).

УДК 81'271

Семенова И.В., Крапивенцева В.Н. Принципы успешной коммуникации и их отражение в русской фразеологии

Семенова Инна Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных социально-экономических дисциплин, Российский государственный университет правосудия
Дальневосточный филиал, РФ, г. Хабаровск
inna.semenova2011@yandex.ru

Крапивенцева Валерия Николаевна

студентка факультета непрерывного образования, Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал, РФ, г. Хабаровск
l2e0r0a490@gmail.com

Principles of successful communication and their reflection in Russian phraseology

Semenova Inna Vladimirovna

Cand. Sci (Philology), assistant professor of the Department of Humanitarian Socio-Economic Disciplines, Russian State University of Justice, the Far-Eastern branch
Russia, Khabarovsk

Krapiventseva Valeriya Nikolayevna

student of the Faculty of Continuing Education, Russian State University of Justice
the Far-Eastern branch, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Статья посвящена правилам успешной коммуникации и анализу фразеологизмов, которые отражают эти правила. Теоретическую основу исследования составили риторические постулаты, выдвинутые американскими учеными Г. П. Грайсом и Дж. Личем. Фактическим материалом изучения вопроса стали устойчивые выражения русского языка, которые отражают данные постулаты. В статье приведены фразеологизмы, в которых отражена специфика речевого поведения русского народа, обусловленная особенностями национального характера. Сделан вывод о том, что в русской культуре ценится «доброе» слово, содержательная беседа, чистота речи, способствующие вербальному взаимодействию; порицаются многословие, пустословие и сквернословие, нарушающие принципы успешного общения.

Ключевые слова: принцип кооперации, принцип вежливости, фразеологизм, успешность коммуникации

Abstract. The article devoted to the rules of successful communication and the analysis of phraseologisms that reflect these rules. The rhetorical postulates G.P. Grais and J. Lich formed the theoretical basis of the study. Phraseologisms of the Russian language, which reflect these postulates, have become the actual material for studying the issue. The article contains phraseologisms that reflect the specifics of the speech behavior of the Russian people, caused by the characteristics of the national nature. The authors conclude that is valued good word meaningful talk, pure speech that promote verbal interaction condemned Wordiness twaddle foul language that break the principles of successful communication in Russian culture.

Keywords: principle of cooperation, principle of politeness, phraseologism, success of communication

Термины «коммуникация», «коммуникативный», «коммуникабельность» сегодня входят в активный запас носителя современного русского языка. Коммуникация – неотъемлемая часть жизни человека, она затрагивает все сферы деятельности: бытовую, учебную, научную, деловую, производственную. Умение «коммуницировать», или взаимодействовать с другими людьми в процессе вербального общения во многом определяет успешность социализации в обществе, личностный и профессиональный рост.

Настоящая статья посвящена проблеме успешного общения в российском социуме. Цель работы состоит в том, чтобы описать правила эффективной коммуникации и их отражение во фразеологическом фонде русского языка.

Фактическим материалом для анализа послужили устойчивые выражения, выбранные из словарей [3, 4, 5].

Теоретическую основу анализа составляют принципы успешной коммуникации, которые в свое время были разработаны американскими учеными Г. П. Грайсом и Дж. Личем. Обратимся к этим принципам.

Г. П. Грайс в своей работе «Logic and Conversation» («Логика и речевое общение») сформулировал принцип кооперации, который определяет готовность партнеров к сотрудничеству. В переводе на русский язык этот принцип звучит следующим образом: «Делай свой вклад в разговор таким, какой обусловлен целью или направлением обмена реплик (т. е. диалога), в который ты вовлечен, в тот момент, в который происходит разговор». Постулат Г.П. Грайса базируется на четырех максимах (или правилах): 1) правиле количества информации, которую инициатор беседы дает адресату, 2) правиле качества информации, 3) требовании релевантности (соответствия) информации теме беседы, 4) требовании способа изложения материала (цитата по [1, с.14-15]).

Дж. Лич в книге «Principles of Pragmatics» («Принципы прагматики») выдвинул принцип вежливости, который декларирует поведение инициатора беседы по отношению к партнеру. Постулат Дж. Лича включает в себя шесть основных этикетных максим: 1) правило такта, 2) правило великодушия, 3) требование одобрения мнения собеседника, 4) правило скромности, 5) требование к согласию с собеседником, 6) требование проявления симпатии к партнеру (цитата по [1, с.16-17]).

Принципы Г.П. Грайса и Дж. Лича стали ключевыми и приобрели универсальный характер: они применимы для любой сферы коммуникации.

Правила общения, которые были определены американскими учеными, являются составной частью культурной картины мира русского народа и вербализованы в языке. Средством вербализации этих правил могут служить устойчивые выражения: фразеологические единицы, пословицы и поговорки (в широком смысле к ним применим термин «фразеологизмы»).

Фразеологизмы рассматриваются учеными как особые лингвистические знаки, служащие кодами культуры народа. Л. Ю. Буянова характеризует фразеологические единицы как «этноментальные константы»: в семантике этих единиц отражен менталитет народа, нравственные и моральные устои, ценностные ориентиры, особенности поведения. Как пишет автор, «русская фразеология – это учебник жизни российского народа, практическое руководство к дискурсивному действию» [2, с. 82].

Обратимся к анализу фразеологизмов, в семантике которых отражены различные аспекты ведения диалога или суждения о том или ином предмете.

Как было сказано выше, успешность общения определяется принципом кооперации, который связан с тем, ЧТО необходимо сказать собеседнику, вступая с ним в диалог.

По оценкам исследователей, в ряду негативных качеств русского национального характера можно назвать излишнюю болтливость, в связи с чем в пословицах содержатся некоторые предостережения: *Лишнее говорить – себе вредить; Не все говори, что знаешь; Язык мой – враг мой; Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами*, которые акцентируют внимание на соблюдении правила количества информации.

С правилом количества информации тесным образом связано правило соответствия сказанного теме беседы. Народ осуждает пустословие, которое может нарушить данное правило: *Не следует слова тратить попусту; Из пустого в порожнее переливать; Пустое дело подобно пустому разговору; Наговорили, что наварили, а глянть – ан нет ничего; Во многословии не без пустословия; Много наговорено, да мало сказано*.

Важным качеством коммуникации является содержательность. В общении человек ценит то, что может обогатить его новыми знаниями. Об этом говорится в пословицах: *Красно поле пшеном, а беседа умом; С умным разговориться, что меду напиться*. Кроме того, каждый человек настроен на то, чтобы получать правдивую информацию. Народная мудрость гласит: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*.

Необходимо учитывать еще один аспект беседы – способ изложения. Многие люди предпочитают получать краткую информацию, ведь *Краткость – сестра*

таланта; Слова хороши, если они коротки. Народ ценит умение высказываться ясно, точно, метко, об этом есть поговорка: *Говорит редко, но метко.* И, наконец, народ положительно оценивает грамотную, правильную речь, потому что *Хорошую речь хорошо и слушать.*

Эффективность коммуникативного взаимодействия обуславливается принципом такта: тем, КАК участники общения ведут себя, соблюдают ли они этические нормы (вежливость, великодушие, скромность), проявляют ли они симпатию к другому, идут ли на компромисс в споре.

Правило такта находит отражение в следующих выражениях: *Ласковое слово лучше мягкого пирога; Доброе словечко в жемчуге; Сердечное слово до сердца доходит; Ласковое слово многих прельщает; Ласковое слово что вешний денек; Ласковое слово и кошке приятно; Доброе слово человеку – что дождь в засуху; От хорошего слова миру светло; Хорошим словам и душа радуется; Хорошим словом мир освещается; Доброе слово – дверь в сердце.*

Правило скромности хорошо отражает известное выражение: *Я – последняя буква в алфавите.*

Правило согласия нарушается, когда собеседники не могут договориться о чем-либо, об этом есть выражения: *Умей вовремя сказать, вовремя смолчать; С ним натоцак не сговоришься; С тобой надо говорить гороху наевшись.*

Правила Г.П. Грайса и Дж. Лича можно пополнить и другими установками, которые содержатся в русских поговорках и связаны с коммуникацией. Приведем примеры требований к общению, которые отражены в устойчивых выражениях русского народа.

К особенностям русского национального характера относятся такие негативные качества, как: нетерпеливость, экспрессивность, повышенная эмоциональность. Эти качества зачастую мешают коммуникантам, поэтому народ дает следующие рекомендации:

1) прежде чем что-то сказать, необходимо подумать: *Сперва подумай, а там и скажи; Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Слово не воробей, вылетит – жди беды; Слово как птица, выпустишь – не вернешь; Выговоренное слово уже не проглотить; Выпустил словечко – не догонишь и на крыльчке; Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаешь; Сорвалось словцо – не схватишь за кольцо; Удерживай слово, когда оно навредить может; Лучше споткнуться ногою, нежели – словами; Сбережешь слово – сбережешь голову;*

2) не следует перебивать другого: *Чужих слов не перебивай; Непрошенное слово – навар без соли;*

3) если дал обещание, его необходимо выполнить: *Не бросай слов на ветер; Дал слово – держи; Пустые слова – что орехи без ядра; Слово давать, так слово держать; Слово крепче печати; Слово сказал, так на нем хоть терем клади; Будь своему слову хозяин; Слово дал – исполни; Слово дал – себя обязал; Слово дороже золота; Кто не господин своему слову, тот не человек.*

Народ порицает:

1) неумение и нежелание понять собеседника: *говорить на разных языках; их разговор – разговор глухих;*

2) непоследовательность изложения, противоречивость высказывания: *Начал за здравие, а кончил за упокой; Я ему про Фому, а он мне про Ерему;*

3) всезнайство: *У нее на всякий спрос есть ответ;*

4) сквернословие, бранные высказывания: *Брань грязи сродни: не прилипнет, так замарает; Бранью прав не будешь; Бранное слово на гнев наводит; От того, кто сквернословит, здоровье уходит; Матом ругаешься – с счастьем прощаешься.*

Народ призывает чаще говорить слова благодарности, добрые слова: *«Пожалуйста» не кланяется, а «спасибо» спины не гнет; От доброго слова язык не отсохнет.*

В пословицах и поговорках говорится о силе слова: *Ветер горы разрушает, слово – народы подымает; Слово пуще стрелы разит; Правдивое слово – сила; Слово быстрее ветра, сильнее оружия.*

Завершая анализ материала можно сказать следующее.

Успех коммуникации определяется правилами, которые в XX веке были сформулированы американскими учеными Г. П. Грайсом и Дж. Личем. Еще раньше русский народ уже определил систему норм речевого поведения и отразил их во фразеологии.

В работе нами выделена большая группа устойчивых выражений, в которых вербализованы постулаты эффективной коммуникации, а именно: максимы, касающиеся количества, качества сообщаемой информации, максимы, связанные с манерой изложения материала, а также максимы, регламентирующие вежливость и скромность в общении.

Наряду с этим отмечена специфика речевого поведения русского человека, обусловленная особенностями национального характера, к последним относятся такие черты, как: излишняя болтливость, пустословие, многословие, неумение

выслушать собеседника, всезнайство. Эти качества осуждаются народом. В русской культуре ценность имеют: «доброе» слово, красота русского слова, чистота речи, содержательность беседы. Народ призывает держать слово (обещание), данное другому, чаще говорить слова благодарности.

Список литературы

1. Бортников В.И., Ицкович Т.В., Михайлова Ю.Н., Пикулева Ю.Б. Практика эффективной коммуникации: учебно-методическое пособие / под общ. ред. В.И. Бортникова, Ю.Б. Пикулевой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. 140 с.
2. Буянова Л.Ю. Фразеологизм как этноментальная константа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. ФГБОУ ВО Северная Осетия. Алания: Изд-во «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова». 2016. №1. С. 80-82.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва: Изд-во «Альфа-Книга». 2020. 984 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Изд-во «Русский язык». 2000. 544 с.
5. Зимин В.И. Словарь-Тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. Москва: Изд-во «АСТ-Пресс Книга». 2021. 736 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81'342.4:112.2:221.18

Дзахова В.Т., Кесаева Ф.Д. Осетинско-немецкая интерференция в области согласных: причины возникновения и пути устранения

Дзахова Вероника Тамбиевна

доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков СОГУ
им. К.Л.Хетагурова, Россия, Владикавказ
tambi69@mail.ru

Кесаева Фатима Даниловна

учитель осетинского языка
МБОУ СОШ № 43, Россия, Владикавказ
fatikesa@mail.ru

Ossetian-German interference in the field of consonants: causes and solutions

Dzakhova Veronika Tambievna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, SOGU
named after K.L. Khetagurov, Russia, Vladikavkaz

Kesaeva Fatima Danilovna

Ossetian language teacher
MBOU secondary school No. 43, Russia, Vladikavkaz

Аннотация. В статье проанализированы причины возникновения фонетической интерференции на уровне произнесения согласных, которая наблюдается в речи учащихся-осетин при изучении немецкого языка. Авторы исходят из того, что для устранения интерференции необходимо сопоставление фонетических систем контактирующих языков, в результате чего происходит выявления «слабых» мест, т.е. позиций, несовпадающих или существенно отличающихся в обоих языках. Анализ выявил, что чаще всего интерференции подвергаются немецкие согласные η , h , ζ , $t\check{s}$. при этом важно отметить, что интерференция затрагивает не только согласные, отсутствующие в системе осетинского языка, но и такие, которые хотя и имеются в осетинском языке, но имеют существенные отличия. Для каждого «слабого» согласного предлагается способ устранения явлений интерференции.

Ключевые слова: осетинский язык, немецкий язык, фонетика, интерференция.

Abstract. The article analyzes the reasons for the occurrence of phonetic interference at the level of pronunciation of consonants, which is observed in the speech of Ossetian students when learning the German language. The authors proceed from the fact that in order to eliminate interference, it is necessary to compare the phonetic systems of the contacting languages, as a result of which "weak" places are identified, i.e. positions that do not coincide or differ significantly in both languages. The analysis revealed that the German consonants η , h , ζ , $t\check{s}$ are most often subject to interference. At the same time, it is important to note that the interference affects not only consonants that are absent in the Ossetian language system, but also those that, although they exist in the Ossetian language,

have significant differences. For each "weak" consonant, a method for eliminating interference phenomena is proposed.

Keywords: Ossetian, German, phonetics, interference.

Интерференция, как перенос произносительных навыков с родного языка на изучаемый иностранный, представляет собой довольно распространенное явление. При этом, чем дальше два языка друг от друга в типологическом и генеалогическом плане, тем больше интерференционных явлений возникает. Как отмечает Б.Б.Алиева, на первоначальной стадии обучения происходит автоматический перенос привычных норм родного языка, и это касается всех языковых уровней [1, с.12].

При изучении немецкого языка в школах Северной Осетии происходит столкновение осетинского (родного для большинства школьников) и немецкого (иностранного) языков.

Хотя оба языка относятся к индоевропейской языковой семье, тем не менее, они далеко отстоят друг от друга. Немецкий язык является германским (западная группа германских языков), осетинский – иранским (северо-восточная подгруппа иранской группы языков). Ареально они также далеко расположены: немецкий язык – в центральной Европе, осетинский – на Северном Кавказе.

С типологической точки зрения осетинский язык представляет большой интерес для исследователей, так как «за счёт того, что осетинский язык долгое время развивался в изоляции от остальных языков иранской группы, он, с одной стороны, сохранил ряд архаичных черт, с другой стороны, развил ряд уникальных инноваций, часть которых объясняется влиянием соседних языков» [2].

Для определения «слабых» мест, т.е. позиций, в которых однозначно можно ожидать интерференции, необходимо сопоставить системы согласных осетинского и немецкого языков.

По способу образования в немецком языке представлены смычные (b, p, m, d, t, n, g, k, ŋ, l), щелевые (f, v, s, z, ž, š, ç, j, h, x, k), дрожащие (r, r̥), аффрикаты (pf, ts, tš). При этом согласные г, в, р являются факультативными вариантами согласного г. Наиболее распространенным среди них в современном немецком языке является щелевой в. Дрожащий г произносится крайне редко.

В осетинском языке по способу артикуляции представлены: смычные (p, b, pʔ, t, d, tʔ, k, g, kʔ, q, m, n, l), щелевые (f, v, s, z, š, ž, w, x, k), аффрикаты (ts, tš, dž, tsʔ, tšʔ), дрожащий г.

способ произнесения	немецкий язык	осетинский язык
смычные	b	p
	p	b
	m	pʔ
	d	t
	t	d
	n	tʔ
	g	k
	k	g
	ŋ	kʔ
	l	q
щелевые	f	f
	v	v
	s	s
	z	z
	ž	š
	š	ž
	ç	w
	j	x
	h	ɸ
дрожящие	x	
	ɸ	
аффрикаты	R	r
	r	
	pf	tʃ
	tʃ	tʃʔ
	tʃ	tʃʔ

Сопоставление позволяет выделить в качестве «слабых» мест для учащихся-осетин в области смычных согласный *ŋ*, в области щелевых *h*, *ç*, в области аффрикат - *tʃ*. При этом согласные *ŋ*, *h*, *ç* отсутствуют в осетинском языке, а согласный *tʃ* есть, но обладает другими характеристиками. В частности, в осетинском языке он может смягчаться в позиции перед гласными переднего ряда *i*, *e*, а в немецком языке эта аффриката всегда твердая. На это надо указывать учащимся при постановке немецкого произношения.

Как наглядно видно в таблице, немецким трем согласным фонемам */x/*, */ç/* и */h/* в осетинском соответствует только одна фонема - */x/*. Поэтому можно ожидать, что на месте среднеязычного */ç/* и фарингального */h/*, отсутствующих в осетинском языке, учащиеся будут произносить заднеязычный */x/*. При этом по своим акустическим характеристикам осетинский *x* очень близок немецкому *x*: они оба являются фарингальными, т.е. при их произнесении задняя часть языка сближается

с мягким небом. Такая артикуляция создает акустический эффект, который Вс. Миллер сравнивал с «храпом спящего человека» [3]. На эту характеристику осетинского /x/ не влияет соседство с другими звуками, даже с переднеязычными гласными /i/, /e/, которые обуславливают палатализацию предшествующих согласных. Собственно говоря, исторически немецкая фонема /ç/ развилась из позиционного варианта некогда единой фонемы /x/ после переднеязычных гласных. Заднеязычная фонема /x/ произносится только после гласных заднего ряда (/a/, /u/, /o/).

Методически для постановки правильного произношения немецкого /ç/ легче отталкиваться от русского языка, где подобный звук встречается в сочетаниях хи (химия, хижина, хирург, хитрый и т.д.), хе (мохер, Кахетия и т.д.).

Для постановки правильного произношения /h/ учащимся можно предложить имитировать процесс дыхания на замерзшие ладони или на заледенелое окно. Рот при этом должен быть широко раскрыт, чтобы максимально избежать сближения задней части языка и увулы.

Ошибка, которая может возникнуть при произнесении немецкого согласного η – замена его сочетанием ng. Эта замена является результатом работы «фонологического сита». Термин был введен Н.С. Трубецким и обозначает, что речь на иностранном языке воспринимается слушателем через фонологическую систему родного языка, которая действует как сито, т.е. просеивает только то, что похоже на звуки родного языка: «слушая чужую речь, мы при анализе слышимого произвольно используем привычное нам “фонологическое сито” всего родного языка. А поскольку наше “сито” оказывается неподходящим для чужого языка, постольку и возникают многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через “фонологическое сито” нашего родного языка» [4, 59].

При постановке согласного η надо следить, чтобы кончик языка упирался в нижние зубы, что будет препятствовать произнесению согласного п.

Есть еще одно «слабое» место, которое не видно на таблице. Речь идет о фонеме /š/. В немецком языке она твердая во всех позициях. В осетинском языке перед гласными е, и она смягчается: сияхс, сивыр, семё и т.д. Поэтому в немецких словах осетины произвольно произносят в аналогичных позициях мягкий /š/, например в словах Schikane, Maschine, verschieden и т.д. Интересно отметить, что в русском языке, где /š/ тоже является твердой, не имеющей мягкую пару, ошибок в произношении студенты не допускают. Поэтому помочь избежать ошибок в немецком произношении

фонемы /š/ можно, отталкиваясь от русского языка. Вообще проблема отождествления мнимо схожих звуков характерна для большинства учащихся, как отмечает Д.В. Дашкевич. Причиной является то, что исходя из схожести звуков учащиеся могут уделять мало внимания различиям в их произношении, что влечет за собой устойчивые ошибки [5].

Конечно, в реальной речи может возникать гораздо больше ошибок, которые могут быть обусловлены не только составом фонем, но и их изменениями в потоке речи. Такие явления, как ассимиляция, диссимиляция, уподобление, оглушение, по-разному проявляются в разных языках. Но, несомненно, для того, чтобы избежать интерференции, необходимо проводить сопоставление фонетических систем родного и иностранного языков.

Список литературы

1. Алиева Б.Б. Фонетическая интерференция и ее причины // *Pholology*. № 7 (35), Том 3, 2018. С. 11-14.
2. Беляев О.И. Контактно-обусловленные явления в осетинском языке: общий обзор https://iling-ran.ru/workshops/210304_belyaev_handout.pdf
3. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 1992. 715 с. (репринтное издание).
4. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М., 2000. 351 с.
5. Дашкевич Д.В. Особенности фонетического акцента в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей ряда индоевропейских языков // *Litera*. – 2018. – № 3. – С. 113 - 121. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27314

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111

Воробьева Е.Н. Повтор как синтаксическое средство выразительности текста (на материале английского языка)

Воробьева Елена Николаевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, РФ, г. Вологда
helenvorobyova@mail.ru

Repetition as a syntactic means of expressiveness of the text (based on the material of the English language)

Vorobyova Yelena Nickolaevna

Cand. Sci. (Philology), Docent, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Russia, Vologda

Аннотация. В статье рассматривается повтор как явление экспрессивного синтаксиса на материале английского языка. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения и систематизации всего комплекса средств экспрессивного синтаксиса. Проведенный обзор работ отечественных языковедов показал, что повтор является широко распространенным средством выразительности художественного и публицистического текстов. Результатом исследования стало описание основных структурных видов повтора и их стилистических свойств. Особое внимание исследователей обращено на синтаксический параллелизм, создаваемый различными видами повторений на основе традиционно выделяемых риторических фигур речи.

Ключевые слова: экспрессивность, экспрессивная синтаксическая конструкция, фигура речи, повтор, параллелизм, экспликация.

Abstract. The article considers repetition as a phenomenon of expressive syntax on the material of the English language. A review of the works of Russian linguists has shown that repetition is a widespread means of expressiveness of literary and journalistic texts. The result of the study was a description of the main structural types of repetition and their stylistic properties. Special attention of researchers is paid to syntactic parallelism created by various types of repetitions based on the traditionally distinguished rhetorical figures of speech.

Key words: expressiveness, expressive syntactic construction, figure of speech, repetition, parallelism, explication.

Экспрессивные качества синтаксических конструкций традиционно изучаются в рамках стилистики и ее специальных разделов, именуемых синтаксической стилистикой [1, 2] или стилистическим синтаксисом [3]. В последние годы большинство исследований экспрессивных синтаксических форм проводится в русле так называемого экспрессивного синтаксиса, который по большей части продолжает

традиции стилистического описания экспрессивных синтаксических структур. Древнейшая наука риторика, объектом которой стало ораторское искусство и теория красноречия, впервые выделила и классифицировала различные экспрессивные речевые формы, таким образом внося неоценимый теоретический вклад во многие современные филологические дисциплины, в рамках которых изучаются выразительные возможности разноуровневых единиц языка.

В классической риторической традиции выделяются так называемые фигуры речи – особые формы синтаксических конструкций, усиливающих экспрессивность (выразительность) речевого произведения. Среди различных групп фигур речи вычленяются и синтаксические схемы, свойством которых является улучшение восприятия, понимание и запоминание устной и письменной речи (повтор, эпифора, параллелизм) [4, с. 227-228]. Повтор относится к широко распространенным средствам художественной выразительности текста. На экспрессивную функцию повтора на материале английского языка указывают М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, И.В. Арнольд, М.Ю. Глазкова, А.В. Михалчева, О.Н. Поддубская и многие другие.

Специальный раздел пособия М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнева «Стилистический синтаксис» посвящен вопросу экспрессивного использования синтаксических средств языка, многие из которых представляют собой традиционно выделяемые риторикой фигуры речи (англ. figures of speech). Подразделяя синтаксические выразительные средства на шесть групп, авторы пособия выделяют в том числе и выразительные средства, связанные с избыточным употреблением компонентов речи, куда и относятся различные типы повтора. Общим стилистическим свойством предложений с избыточным характером составляющих их членов является их эмфатический характер, связанный с эмоциональным воздействием, привлечением внимания слушателя к важнейшим частям высказывания. Среди структурных разновидностей повторов выделяются: 1) простой повтор (повторение одного и того же члена предложения, словосочетания, целого предложения): *Oh, the dreary, dreary moorland!* (Tennyson); 2) обрамление (англ. framing): *Those kids were getting it alright, with busted heads and bleeding faces – those kids were getting it.* (B. Griffith); 3) подхват (англ. anadiplosis): *With Bewick on my knee, I was then happy: happy at least in my way* (Ch. Bronte); 4) синтаксическая тавтология (повторение члена предложения, обычно подлежащего, выраженного существительным, в форме местоимения с целью эмфатического подчеркивания предмета речи): *Miss Tillie Webster, she slept forty days and nights without waking up.* (O’Henry); 5) полисиндетон (многосоюзиe): *It (the tent) is*

soaked and heavy, *and* it flops about, *and* tumbles down on you, *and* clings round your head, *and* makes you mad (Jerome K. Jerome) [3, с. 73-80].

К экспликативным (избыточным) моделям образования экспрессивности относит повтор Э.А. Трофимова. Данная модель образовывается путем экспликации элементов в нормативную нейтральную структуру. Среди экспликативных экспрессивных моделей с дублированием одного или нескольких элементов самого состава предложения автор выделяет а) чистое дублирование, при котором повторяется какой-либо член предложения без изменений и дополнений (*I'll never forgive you, never, never*); б) осложненное дублирование, в котором повторение осложняется новыми словами (*She was not pretty when I saw her today, but she had been pretty - very pretty* (Priestley)); в) синонимичное дублирование, в котором повторяющимися оказываются синонимичные слова, иногда контекстные синонимы (*Light and noise make nice simple people very gay, very happy* (Priestley) [5, с. 47-50].

Классифицируя средства синтаксической экспрессивности в публицистическом тексте, А.В. Михалчева выделяет в том числе средства синтаксической экспрессивности, основанные на избыточности (позиционно-лексический повтор, анафора, эпифора, асиндетон, перечисление однородных членов). Среди функций данной группы средств экспрессивности в предложении автор отмечает их роль в построении смысла высказывания, а также в создании особого интонационного рисунка, придающего повествованию определенный ритм [6, с. 79]. Анализируя виды создаваемого воздействующего эффекта, автор отмечает сочетание параллельных конструкций с анафорическим началом («*It has an inside and an outside and rooms upon rooms, each of which has different purposes, its own equipment and hardware, and its own feeling and smell, distinct from the others. Each module has its own story and its own quirks*»), подчеркивающее отношение к орбитальной станции как к живому существу с собственной историей [6, с. 85]. Анафорический повтор также помогает акцентировать внимание на мнении автора, его рассуждениях («*I wondered if they had been arrested. I wondered if they were guilty of anything at all*) [6, с. 108]. Лексический повтор также может лежать в основе параллелизма («*The concern is that, with so many new satellites in orbit operated by so many different companies, the chance of losing control of one goes up*»), он помогает интенсифицировать точку зрения автора статьи, воздействуя на чувства читателя [6, с. 97]. Позиционно-лексический повтор, включенный в параллельные конструкции (*With so many people so close together and so much fecal matter in play, it's not surprising to learn from a local health worker that the colony's major medical problems are diarrhea and worms*) используется в целях усиления

воздействия на читателей, с их помощью акцентуируется причина загрязнения полей и увеличения распространения кишечных заболеваний [6, с. 137].

Говоря об «избыточности» повтора, который ничего не добавляет к предметно-логической информации, И.В. Арнольд подчеркивает, что повторы «передают значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации» [2, с. 244]. Рассматривая повтор как фигуру речи в разделе синтаксической стилистики, автор отмечает условность данного факта, поскольку повторению могут подвергаться единицы любого уровня – от звуков, морфем до предложений. Профессор И.В. Арнольд рассматривает виды повторов, общих для прозы и поэзии. Среди собственно синтаксических случаев повтора автор выделяет параллелизм, создаваемый различными видами повторений (эпифора, анафора, полисиндетон, кольцевой повтор). В качестве примера повтора синтаксических конструкций И.В. Арнольд выделяет также такую риторическую фигуру как хиазм, представляющую собой пример параллелизма в двух соседних словосочетаниях или предложениях, где второй компонент конструкции строится в обратной последовательности, так что получается перекрестное расположение членов двух смежных конструкций [2, с. 246].

О.Н. Поддубская анализирует индивидуальный стиль Э. Хемингуэя через рассмотрение синтаксических стилистических приемов, выразительных (экспрессивных) средств. Сделав выборку синтаксических приемов и подсчитав частоту их употребления, автор приходит к выводу о том, что релевантной чертой индивидуальности Э. Хемингуэя можно считать достаточно частое обращение к разным видам синтаксических повторов, которые «служат автору средством создания эмоциональной напряженности повествования и описания состояния персонажей» [7]. Среди видов повтора, используемых в индивидуальном авторском стиле писателя, О.Н. Поддубская выделяет: 1) простой лексический повтор (повторение тех же или однокоренных слов и словосочетаний в структуре предложения): «It was *warm*, standing in front of her charcoal fire, and chestnuts were *warm* afterwards in your pocket»; 2) расширенный повтор (повторение речевой единицы с дополнительными компонентами): «He had lived a very long time with death and *was a little detached*. We were all *a little detached*...»; 3) параллельные конструкции: «The dead sleep cold in Spain tonight and they will sleep cold all this winter as the earth sleeps with them»; 4) многосоюзие (дополнительное средство выделения ремы высказывания и создания эффекта градации): «The deer hung stiff and heavy *and empty, and* small birds blew in the wind *and* the wind came down from the mountains», «My knee didn't bend *and* the leg

dropped straight from the knee to the ankle without a calf, *and* the machine was to bend the knee *and* make it move» [7].

Повтор, по мнению М.Ю. Глазковой, является наиболее частотной разновидностью экспрессивных синтаксических конструкций. Прагматическая интенция автора влияет на выбор определенных разновидностей разноуровневых повторов, а также превалирование одних разновидностей повторов над другими [8, с. 5]. Автор выделяет следующие виды повторов: 1) дистантный повтор (повторение разных частей речи): This is not a democratization *strategy*, it is an exit *strategy* (повтор имени существительного), But is there a more *fundamental* problem? Is the chasm not only of policy, but of *fundamental* values, *fundamental* beliefs (повтор имени прилагательного); 2) семантический повтор (повтор языковых, экспрессивно-стилистических, контекстуальных, косвенно-языковых, синтаксических синонимов): Will Chalabi and his people still be *in place*, still *powerful*? (контекстуальный повтор); 3) синтаксический повтор (синтаксический параллелизм, лексико-синтаксический повтор, семантико-синтаксический повтор): *In Somalia and Haiti*, the forces were too thin and too soon withdrawn, *in Bosnia and Kosovo* large troop deployments remain for the long term (синтаксический параллелизм); *If the base line is Germany and Japan* — ethnically homogeneous countries that had advanced economies before World War II - they have fallen short. *If the base line is Somalia*, they have done pretty well (анафорический лексико-синтаксический повтор); The Iraqi Army is unable to operate fully *on its own*, and therefore unable to splinter or fracture *on its own* (эпифорический лексико-синтаксический повтор).

М.Ю. Глазкова делает вывод о неоднородности лексико-синтаксического повтора. Он может включать повтор словосочетания или полного предложения, повтор служебных слов в словосочетании/предложении, фигуры, основанные на лексико-синтаксическом повторе (анафору, эпифору, подхват, кольцевой повтор, хиазм). По наблюдениям автора, различные разновидности повторов служат «средствами выражения структурных текстовых категорий связности и цельности, структурно-семантической текстообразующей категории персональности, а также лингвистической категории экспрессивности в ее взаимосвязи со смежными категориями интенсивности, оценочности, эмоциональности» [8, с. 13-20].

О.В. Дехнич и В.А. Фетисова, анализируя средства экспрессивного синтаксиса в произведении С. Кинга «Институт», отмечает и использование повтора, чья функция заключается в том, чтобы обеспечить структурно-смысловое единство и целостность текста. Приведенные примеры иллюстрируют использование повтора в серии

последовательных предложений (*I have told you to give up drinking. I have told you!*). При этом авторы относят повтор наряду с вставными конструкциями не к стилистическим фигурам, а к синтаксическим приемам [9, с. 49-50].

Таким образом, в стилистических описаниях повтор относят к синтаксическим стилистическим приемам. В соответствии с риторической традицией повтор также часто определяется и как фигура речи, улучшающая восприятие речевого произведения. На основании формального структурного признака повтор классифицируется как избыточное (экспликационное) синтаксическое явление. Выразительная функция повтора исследуется как на уровне предложения, так и целого текста.

Повтор отличается структурным разнообразием. Ученые выделяют различные виды повторов (простой повтор, расширенный или осложненный повтор, семантический повтор; повтор, основанный на синтаксическом параллелизме). Некоторые исследователи указывают и дистантный повтор, представляющий собой дублирование удаленно расположенных компонентов. На синтаксическом уровне повтор тесно соседствует с параллельными конструкциями и может представлять собой их повторение. Особенно представлены параллельные конструкции, основанные на лексико-синтаксическом повторе (так называемые фигуры речи: анафора, эпифора, подхват, кольцевой повтор, хиазм). По мнению ряда исследователей, параллелизм, создаваемый различными видами повторений, и является собственно синтаксическим примером повтора.

Стилистическим свойством повтора является наличие эмфазы, то есть эмоционального воздействия, акцентирующего внимание слушателей на важнейших частях высказывания. Языковеды отмечают роль повторов в создании тематической сетки произведения, интенсификации авторской позиции, реализации различных интенций автора художественного и медийного текстов. Также отмечается роль повторов в выражении разнообразных текстовых категорий.

Список литературы

1. Синтаксис и стилистика: сб. ст. / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1976. 316 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
3. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: Учеб. пособие / под ред. Н.Н. Амосовой. Ленинград, 1960. 173 с.
4. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1996. 416 с
5. Трофимова Э. А. Структурные особенности английской разговорной речи: Учеб. пособие для преподавателей, аспирантов и студентов ст. курсов фак. иностр. яз. / М-во просвещения РСФСР. Рост. н/Д гос. пед. ин-т. Ростов н/Д, 1972. 99 с.
6. Михалчева А.В. Функционально-синтаксические особенности создания экспрессивности публицистического текста современных англоязычных изданий (на материале журналов National Geographic и The Economist): дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Москва, 2022. 354 с.
7. Поддубская О.Н. Синтаксические особенности индивидуального стиля Э. Хемингуэя // Наука и мир. 2014. № 12-2 (16). С. 56-58.
8. Глазкова М.Ю. Экспрессивный синтаксис в современной публицистике (на материале русскоязычных и англоязычных аналитических общественно-политических статей): автореф дисс. ... к.фил.н. Ростов-на-Дону, 2010. 21 с.
9. Дехнич О.В., Фетисов В.А. Эмоционально-экспрессивный синтаксис оригинала и переводов романа Стивена Кинга // Поколение будущего: взгляд молодых ученых - 2020. сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2020. С. 47-50.

UDC 811.111-26; 821.111

Денисова Н.В., Кованова Е.А. Nonce Words in Children's Literature: Stylistic and Pragmatic Functions

Denisova Natalya Viktorovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language and Cultural Studies, St. Petersburg State University

Kovanova Evgeniya Anatolyevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language and Cultural Studies, St. Petersburg State University

Денисова Наталья Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета

Кованова Евгения Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета

Abstract. The paper studies lexical innovations, or nonce words, as an essential tool of language game employed by British authors of children's fiction. Using the methods of morphological, semantic, stylistic and pragmatic analyses, the paper identifies the key functions of literary coinages in books for children. Accepting Poix's view of new words as a means of enriching the text rather than the lexicon, we hold that nonce words perform a few pragmatic functions, going further beyond style. It is argued that nonce words help involve the young readers into literary discourse by constructing a code to facilitate communication between the author and the reader, evoke an emotional response in them, boost their cognitive and creative skills.

Key words: language creativity, language game, nonce words, children's fiction, word formation, pragmatics of literary coinages.

The English have a long literary tradition of tales and poems crammed full of nonce words. The presence of unexpected and playful coinages in English literature for children implies that "lexical innovation is essential to the fantasy-driven world of children's books" [1, p. 2]. The term 'nonce word' is inextricably associated with play upon words, or in a broader sense, the concept of language game. Language game in its various manifestations and the phenomenon of word coinage have attracted the attention of many scholars, linguists and philosophers, namely, L. Wittgenstein, B.J. Blake, D. Crystal, M.H. Christiansen and N. Charter, T.A. Gridina, V.I. Shakhovsky, E.A. Zemskaya, M.V. Kitaygorodskaya, A.O. Tananykhina, S.A. Nikanorov, E.A. Shamina, and many others. Such close attention can be explained by the prevalence, complexity and multifunctionality of this phenomenon. T.A. Gridina fairly remarks that language game is "simultaneously a cognitive, psychological, linguistic, cultural, and aesthetic phenomenon, the functional essence of

which is not limited to comic effect only.” [2, p. 4]. Following T.A. Gridina and other researchers, we understand language play as a manifestation of linguistic creativity, a display of people’s speech competence, a non-canonical and innovative use of language units, a means of shaping the author’s style, a deliberate violation of the language norm to create a certain emotional and aesthetic response in the addressee [3; 4; 5; 6; 7]. According to T. Guralnik and A. Pavlova, “the relevance of language play could be determined by the psychology of human perception: the most unusual appeals more and sustains longer” [8].

When language game appears in fiction, it is always intentional, unlike children’s wordplay or mistakes which result out of their limited communicative competence. In fiction, playful language serves as a complex tool which performs a number of important stylistic and pragmatic functions. Among the main functions of language play in books for children, besides the ludic and poetic functions, scholars of language distinguish the phatic, metacommunicative, linguo-creative, linguo-cognitive, imitative, characterological, emotional, expressive, euphemistic and that of structuring the storyline and narration. These are implemented at all levels of the language system and involve a variety of techniques: alliteration and assonance, spoonerisms and malapropisms, punning and allusions, lexical innovations and nonce words, to name just a few [9, 5]. For example, the use of such devices to create a speech portrait of the Big Friendly Giant from Roald Dahl’s *The BFG* makes the character lucid, tangible, unrefined: the readers recognize his mistakes as their own and “accept” the slipshod, ungrammatical and often weird way of expressing his ideas. BFG’s idiolect, his speech habits attract the young readers, immediately making him one of “us” in the us/them dichotomy, so the readers can easily relate to the main character of the narrative [9, p. 39].

This paper mostly deals with lexical innovations, specifically occasionalisms (or nonce words, as they are mostly known in foreign linguistics; for more details see [1, p. 3-4]) and their functions in children’s fiction. In this paper, an occasionalism is understood as an individual neologism created by a poet or writer following the word-formation models existing in the language and often used exclusively in the context, as a semantically-loaded term, a lexical means of emphatic expression and language play [18]; besides, “in literature, the main motivation for new word formations is not to enrich the lexicon but to enrich the text itself” [1, p. 3]. Authors of the Cambridge Encyclopedia of the English Language define a nonce word as a lexeme created for temporary use or *for the nonce* (meaning ‘for the once’), to solve an immediate problem of communication [19]. This, however, goes against nonce words used in literature, since it is hard to imagine that authors would coin a new word impulsively without planning – quite the contrary, it is done on purpose, for poetic effect [1,

p. 3]. Though most of such innovations “will be stored in the mental lexicon only for the duration of the reading experience” [10, p. 166], some nonce words may acquire a fixed meaning inferred from the context and use, possibly even becoming an established part of the language, at which point they stop being nonce words. When this happens, they enter dictionaries, as is the case with several nonce words created or popularized by Roald Dahl: *scrumdiddlyumptious*, *Oompa Loompa*, *golden ticket* and *human bean*.

Lewis Carroll’s *Alice’s Adventures in Wonderland* and *Through the Looking-Glass* and Edward Lear’s *Nonsense Botany* are among the first well-known texts that introduced nonsense language to children’s literature and featured a number of nonce words (for example, *Bandersnatch*, *frabjous*, *galumphing*, *mimsy* from the nonsense poem *Jabberwocky*, the latter word itself making it to the dictionary and meaning ‘meaningless language, nonsense’). Later the use of nonce words was adopted by such distinguished children’s authors as J.R.R. Tolkien, B. Potter, R. Dahl, J.K. Rowling, Ph. Pullman, C. Cowell, J. Donaldson, S. Butler and others. It is easy to understand why nonce words appeal to children: first, as K. Chukovsky points out, “the nonsense ... not only does not interfere with the child’s orientation to the world that surrounds him, but, on the contrary, strengthens in his mind a sense of the real” [11]. Second, children learn to appreciate the musicality of language and its sound long before they learn the meaning of new words. This means that young children perceive stories and poetry differently than the adult reader [12]. And third, play and playfulness are essential for children, being an integral part of early education. By hearing and decoding nonce words children can develop their language skills, acquire a taste for literature and simply have fun.

Among the reasons for coining new nonce words, scholars highlight the need for accuracy in expressing thoughts and ideas, the desire for laconic brevity, the need to express the author’s attitude to the character or the subject of speech, the desire to de-automate perception, to create a new magic world through naming the objects of the fantasy reality, to attract the reader’s attention [13, 14], to shape speech habits of the main character, their idiolect [15], to involve the young reader in linguistic and cognitive game through riddles, to elicit an emotional response from the reader [9], to refine the text [1], to establish the contact with the reader by creating a special code that children can understand [4]. Writers enjoy coining nonce words, while children enjoy decoding them. The success of the book – and a potential film adaptation – enables such occasionalisms to endure and gain currency [1].

The analysis of the selected material showed that nonce words in fiction for children focus around the following pragmatic functions: linguocreative, linguo-cognitive, imitative, phatic, characterological, and emotive. The use of language game in children’s literature is

“an essential tool for establishing contact between the writer and the reader (child)” [5, p. 72]; therefore, many occasionalisms perform the phatic function. This can be best illustrated by the use of occasional deviations from “normal” language: *I is a very mixed up Giant; your brekfust is reddy* (R. Dahl, *The BFG*). “Naive” grammar and spelling are used as peculiar to certain characters, just as they are typical for youngsters and teenagers, which appeals to young readers. M. Brennan writes, “although the BFG demonstrates a remarkably comprehensive vocabulary, his grammatical skills more closely resemble those of a child of three” [12, p. 30]; therefore, children can identify with him and similar characters. Thus, such occasional grammar structures and “misspelt” words also perform the imitative function which allows the child to recognize the character as somebody familiar or close and to relate to them.

Two other pragmatic functions often performed by occasional words in children’s books are linked to language creativity and cognition. They are manifested in the many lexical innovations by R. Dahl, who employed various ways of creating new words: infixation (*jiggyraffe*), misdivision (*a norphan*, *Miss Souri*), blending (*mudburger*), misuse of affixation (*foulsome*), etc. Besides, some of his occasionalisms switch the reader’s focus from the function to either the sound or result produced by an object: *sizzlepan* instead of *frying-pan*, or *frothstick* instead of *egg-beater*. R. Dahl extensively employed sound symbolism, or phonaesthesia, in creating many of his occasionalisms: the words that start with *grob-* and *trog-* (such as in the names of nightmares *trogglehumper*, *grobswitcher*) mean something unpleasant, while words starting with *phizz-* (such as in the name of a good dream *phizzwizard*) always mean something splendid. The authors of the Oxford Roald Dahl Dictionary aimed at children aged 8-12 (“the perfect dictionary with a Roald Dahl twist”) included many of these coinages in order to develop children’s language and literacy skills and teach them how to be creative in writing [20]. Numerous examples of occasionalisms performing the linguocreative and linguo-cognitive functions can be found in British books, including their playful titles (J. Donaldson’s *Spinderella*, *Jack and the Flumflum Tree*, *Princess Mirror-Belle and the Dragon Pox*; S. Butler’s *You Ain’t Seen Nothing Yeti*, *Sea-ing is Believing* and many others).

As for the characterological function, it is often performed by occasional anthroponyms (charactonyms). Their unusual form attracts the readers’ attention, while their semantic load elicits an emotional response from young readers, fostering the development of cognitive, linguistic and creative abilities [16]. Such semantically loaded names as *Bloodbottler*, *Childchewer* and *Fleshlumpeater* (R. Dahl’s *The BFG*), *Willy Wonka* (R. Dahl’s *Charlie and the Chocolate Factory*), *Snotface Snotlout* (C. Cowell’s *How to Train*

Your Dragon), *Ooof the Ogre*, *Molar Sisters*, *Grogbah*, *Granny Regurgita*, *Mrs Venus* (S. Butler's *Nothing to See Here Hotel*) display the distinctive qualities or features of the characters: *Bloodbottler* is a giant who likes blood, *Fleshlumpeater* is a giant who eats human flesh like sugar lumps, Willy Wonka is a wonk, i.e. a person who works or studies too much and knows a lot, *Snotface Snotlout* is a lout with a snotty face (obviously a negative character, an antagonist), while *Molar sisters* are tooth fairies who lisp because they lack teeth.

Finally, the emotive function which nonce words perform manifests itself when such words, especially occasional onyms, evoke certain feelings in the readers, shape their attitude to the depicted character through a combination of euphonics, word-structure and semantics. *Granny Regurgita* arouses antipathy at first mention, since the reiterated sounds (gr, r, g) and the semantics (regurgitate) immediately elicit the reader's emotional response – she is indeed a disgusting troll character. In the case of semantically loaded occasional names, the emotive function is often expressed by means of alliteration and rhyme (*Maidmasher* and *Childchewer* in R. Dahl's *The BFG*, J. Donaldson's *The Giant Jumperee*, *Hiccup Horrendous Haddock III* and *Mogadon the Meathead* in C. Cowell's *How to Train Your Dragon*).

In practice these functions often overlap, which can be shown with the help of the nonce word *Gruffalo* coined by J. Donaldson for the main character of two of her most famous books. The word is a blend formed from onomatopoeic *gr(rr)* which denotes dog growling but can also be used to express anger or annoyance + *(b)uffalo*. The author may have also drawn the meaning of the new word from the adjective *gruff* – a word with a negative connotation denoting somebody unfriendly, rough or surly in manner or with a low voice. According to M. Burke, the use of the Gr sound at the start of the name evokes negativity, harshness and discomfort, owing to the fact that it is a common consonant cluster in words with that connotation (for example, growl, groan, grumble). The first syllable in the name – *gruff* – is shared with the other children's literary characters of the *Three Billy Goats Gruff* [17]. Besides, the word *Gruffalo* beautifully rhymes with the exclamation “Oh!”. The main character named *Gruffalo* is thus a growling wild beast similar to a buffalo with “terrible tusks, terrible claws, and terrible teeth in his terrible jaws”. Onomastic play in this word establishes contact with the child, performs the linguocreative and cognitive functions and describes the main character, evoking emotions and forming the reader's attitude towards the character.

Summing up, we can conclude that British literature has a long tradition of coinage and intentional use of nonce words in books for children. Authors tend to use nonce words

for a number of reasons: they enable them to involve the young readers or pre-readers in the discourse, help describe the characters and shape attitude towards them, boost cognitive, creative and linguistic development of children, trigger creative thinking, tell a unique story and engage the readers in linguistic play. Thus, occasionalisms coined specifically for each story perform a number of important functions: linguo-creative, cognitive, ludic, imitative, phatic, characterological and emotive.

List of literature

1. Poix, C. Neology in children's literature: A typology of occasionalisms / Lexis [Online], 12 | 2018, Online since 14 December 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/213637275.pdf> (date of access: 05.03.2023).
2. Gridina T.A. Language game in fiction. Yekaterinburg, 2008. 166 p.
3. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Language game // Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture. M.: Nauka, 1983. Pp. 172-214.
4. Nikanorov S.A. On the Issue of Language Play Techniques in Fiction for Children // Bulletin of Chelyabinsk State University, 2020. №7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 122-130.
5. Nikanorov S.A. Mental guidelines for language game in children's literature: thesis of the Cand. of Phil. Sc. Yekaterinburg, 2000. 200 p.
6. Crystal D. Language play. L.: Penguin Books, 1998. 248 p.
7. Kochneva N.S. Game status of the proper name in a literary text (in works by V.P. Krapivin): abstract of the thesis of the Cand. of Phil. Sc. M., 2022. 28 p.
8. Guralnik T.A., Pavlova A.V. Language Play and Lexical Innovation of the 21st Century English // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020. - Vol. 83. Pp. 168-179. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.04.02.19> (date of access: 11.03.2023)
9. Denisova N.V., Kovanova E.A. The phenomenon of language game in Roald Dahls' books (A case study of The BFG) // Philological sciences. Issues of theory and practice. 2019. V. 12. №. 4. Pp. 34-39.
10. Munat, J. Lexical creativity as a marker of style in science fiction and children's literature / Munat, J. (ed.), Lexical Creativity, Texts and Contexts. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamin, 2007. Pp. 163-185.
11. Chukovsky K. and Morton M. A Special APR Supplement: The Sense of Nonsense Verse. // The American Poetry Review. Vol. 5, №6, 1976. Pp. 38-41.
12. Brennan M. Beyond the Boundaries of English: Nonsense Language in Children's Literature. MA thesis. Waterloo: University of Waterloo, 2018. 86 p.
13. Babenko N.G. Occasional in fiction: A structural and semantic analysis. Kaliningrad, 1997.
14. Tananykhina A.O. Language game in Anglophone literary fairy tales // Vestnik of Cherepovets state university. 2014. №. 7 (60). Pp. 113-117.

15. Shamina E.A. Phonetic motivation as a foundation for literary neologisms (based on R. Dahl's fairy tale The BFG) // Theoretic and applied linguistics. 2015. V. 1. № 4. С. 85-98.
16. Denisova N.V., Kovanova E.A. Onomastic play in Roald Dahl's Fairy-Tales: Pragmatics and Translation. Proceedings of the VIII National University Conference with International Guests Current Issues in Linguistics, St. Petersburg, 2019. Pp. 164-170.
17. Burke M. Language and style in The Gruffalo. Language and Literature. 31 (1), 2022. Pp. 41–61.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Rozental D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms. A textbook for teachers. М.: Prosveshchenie, 1976. 624 p.
19. The Cambridge Encyclopedia of The English Language. 3rd edition. Ed. David Crystal. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
20. Oxford Roald Dahl Dictionary: From Aardvark to Zozimus, a Real Dictionary of Everyday and Extra-Usual Words. Illustrated Edition. By S. Rennie. Oxford University Press, 2018. 288 p.

УДК 372.881.1

**Мжачева М.В. Личностно-ориентированный подход в обучении
иностранному языку**

Мжачева Марина Владимировна

ассистент, кафедра «Иностранные языки»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
mzhacheva_mv@mail.ru

A personality-orientated approach to foreign language teaching

Mzhacheva Marina Vladimirovna

assistant lecturer at the Department of Foreign Languages
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В статье рассматривается личностно-ориентированный подход как одна из современных тенденций образования. Организация занятий с учетом индивидуальных особенностей и интересов студентов способствует более эффективному обучению, повышает мотивацию к профессиональному развитию. Результаты исследования были получены с помощью системного наблюдения и анализа педагогического опыта. В ходе исследования были выявлены основные принципы личностно-ориентированного подхода в обучении иностранному языку, обозначены его преимущества, а также приведены примеры методов его реализации на занятиях по иностранному языку с неязыковыми специальностями и показано, как данный подход способствует развитию коммуникативных навыков и профессиональной иноязычной компетенции студентов.

Ключевые слова: личностно-ориентированный подход, индивидуальные особенности, мотивация к изучению, самовыражение, познавательная деятельность.

Abstract. The article reports on a personality-oriented approach as one of the modern trends in education. The organization of classes, considering the individual characteristics and interests of students, contributes to more effective learning, increases motivation for professional development. The results of the study were obtained with the help of systematic observation and analysis of pedagogical experience. As a result, the main principles of a personality-oriented approach to teaching a foreign language were given, its advantages were identified, and examples of methods for its implementation in foreign language classes with non-linguistic specialties were described. The contribution of this approach to the development of communication skills and professional foreign language competence of students is revealed.

Keywords: personality-oriented approach, individual characteristics, motivation for learning, self-expression, cognitive activity.

Получение образования в высшей школе представляет собой сложный процесс, включающий в себя множество аспектов. Социально-экономические условия требуют от выпускников современных вузов таких качеств, как целеустремленность, коммуникабельность, готовность приспосабливаться к новым условиям труда. Специалисту на рабочем месте приходится сталкиваться с обильным потоком

информации, которую ему необходимо правильно принять, обработать и передать, что невозможно без наличия указанных выше личностных качеств. Преподаватели высшей школы отмечают в современных студентах следующие черты: преобладание познавательной мотивации, стремление к самостоятельности, осознанности, ответственности. Для студента вуза важным этапом профессионального развития является совершенствование умственных способностей: развивать теоретическое мышление, уметь абстрагироваться, делать обобщения, искать нестандартный подход к различным проблемам. Долгое время система образования не отвечала требованиям динамично развивающегося общества, однако, система высшей школы России успешно реализует новые пути развития в области образования, отказавшись от используемых ранее педагогических методов. В результате данных изменений, подготовка и воспитание профессионально-компетентных специалистов, способных к самостоятельному принятию решений, ведет к улучшению экономической, политической и правовой среды в нашей стране.

Реализация нововведений в сфере образования особенно актуальна для организации системы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах, целью которой является формирование навыков коммуникации, лингвокультурной и профессиональной компетенций, что определяет **актуальность** данного исследования. В практике преподавания иностранных языков долгое время преобладал подход, подразумевающий традиционное использование методов обучения, когда информация преподносилась педагогом в готовом виде, препятствуя развитию критического мышления студентов. В рамках этого подхода основным режимом работы выступает фронтальный режим работы. В настоящее время наиболее востребованным считается развитие коммуникативных навыков для общения на профессиональные темы и в различных дискуссиях [1, с.39]. Предпочтение следует отдавать личностно-ориентированной модели взаимодействия, в которой возрастает роль студента как субъекта образовательного и воспитательного процесса, происходит обмен опытом, обогащение интеллектуальной и эмоциональной сфер участников общения, что придает обучению социально-значимый характер [2, с.35]. Мотивация студента и интерес к обучению возрастают, что в итоге способствует активному и качественному обучению и в результате подготовке высококвалифицированных специалистов. **Целью** данной работы является рассмотрение основных принципов и преимуществ личностно-ориентированного подхода, привести собственные примеры его реализации на практических занятиях по иностранному языку.

В процессе исследования нами были использованы **методы** системного наблюдения и анализа педагогического опыта, дополнительная информация была получена в процессе дискуссий и обсуждений со студентами на практических занятиях.

В ходе учебного процесса взаимодействие его участников может происходить в разных системах, однако, ведущую роль выполняет модель общения «преподаватель – студент». Взаимодействие данных сторон является не самоцелью, а инструментом для успешного решения образовательных и воспитательных задач. Для более эффективного взаимодействия, которое преимущественно происходит во время занятия, преподавателю следует понять, какой способ обучения, наиболее подходящий для студентов, поможет эффективно организовать аудиторную и самостоятельную работу. Направленный на это подход, который учитывает индивидуальные особенности личности каждого студента, обладающего своими уникальными чертами, интересами и способностями, рассматривают как личностно-ориентированный подход в обучении.

Одно из определений личностно-ориентированного подхода в обучении, данных В.В. Сериковым, сформулировано следующим образом: «Личностно-ориентированный подход – специальный вид образования, в основе которого – создание определенной образовательной системы, которая «запускала» бы механизмы функционирования и развития личности» [3, с.27]. Следует обратить внимание на тот факт, что в реалиях обучения в вузе реализация данного подхода имеет свою специфику: нужно учитывать особенности не одного студента, а группы учащихся. Следовательно, основными принципами личностно-ориентированного подхода можно считать:

- поощрение развития и саморазвития личности студента, исходя из выявления его индивидуальных особенностей;
- обсуждение проблемных и актуальных тем;
- опора на предпочтения студентов при выборе форм учебной деятельности;
- создание доброжелательной атмосферы на занятиях;
- развитие навыков работы в группе и навыков делегирования [2, с.35];

Активная роль студентов в процессе обучения предполагает наличие возможности усваивать информацию теми способами, которые им понятны. Студенты могут использовать инструменты обучения и учебные стратегии, которые позволят им оптимизировать свой процесс обучения, получая необходимую информацию и пользоваться ею в дальнейшей профессиональной деятельности.

Исследователи также отмечают, что самостоятельное отслеживание студентами своих достижений является одной из современных тенденций в обучении иностранному языку. В настоящее время личностно-ориентированный подход, нацеленный на саморазвитие и самореализацию учащихся, реализуется на занятиях все чаще благодаря своим преимуществам:

- развитию интереса к изучению иностранного языка;
- развитию иноязычных коммуникативных навыков студентов;
- развитию творческих навыков и способности критически мыслить;
- повышению мотивации к изучению иностранного языка;

Как мы упоминали ранее, в реалиях вуза необходимо ориентироваться на группу студентов и для того, чтобы индивидуально подойти к интересам каждой и успешно реализовать принципы личностно-ориентированного подхода, мы предлагаем следующие способы обучения:

1) Подбор учебного материала, который обеспечивает выявление личного опыта учащихся, включая опыт предшествующего обучения.

Так, студентам первого курса уровня B1+Intermediate было предложено ответить на вопросы об изучении иностранного языка, а затем сформулировать свои вопросы друг другу о целях изучения языка и наиболее интересных разделах. Анализ ответов помог выявить проблемные моменты с использованием грамматики и лексики, а также определить основные цели студентов и использовать эту информацию для дальнейшей работы с группой.

2) Постоянное согласование личного опыта учащихся с содержанием учебного материала. В ходе изучения тем об изменениях в жизни и взаимоотношений студентам предлагается обсудить содержание текстов учебника, поделиться своим жизненным опытом и высказать свое отношение в проблематике текстов, описывающих различные жизненные ситуации.

3) Стимулирование к самостоятельной познавательной деятельности и самовыражению по заданной теме. Например, тема окружающей среды, как правило, интересна не всем студентам. Чтобы вызвать первоначальный интерес, каждому студенту предлагается пройти небольшой опрос, по результатам которого он сможет понять, насколько бережно он сам относится к окружающей среде, а впоследствии самостоятельно предложить пути решения, как повлиять на ситуацию.

4) Обеспечение разностороннего контроля и оценки не только результатов, но и процесса выполнения. Данный пункт относится к групповому выполнению заданий. В данном случае студенты сами могут решить, что именно рассказать и каким

способом. Во время обсуждения следует уделять внимание процессу подготовки ответа студентами, чтобы не оставить усилия каждого из них без внимания. По мере работы с группой, становится понятно, кому из студентов легче дается командная работа, а кто силен в подготовке и воспроизведении индивидуального высказывания.

В целом личностно-ориентированный подход позволяет студентам выполнять продуктивные и интересные задания. Один из наиболее значимых аспектов – возможность оценить лингвистические знания студентов на каждом занятии и подтолкнуть их на коммуникацию во время приведения примеров или сопоставления жизненного опыта с проблемами, обозначенными в учебнике. Также в ходе бесед и обсуждений можно из одной проблемы выделить еще несколько сопутствующих тем, которыми учащиеся заинтересуются, смогут подробнее рассмотреть самостоятельно, что станет стимулом для развития когнитивных навыков. Таким образом, активное использование методов личностно-ориентированного подхода на занятиях помогает студентам не только усвоить знания по иностранному языку, но и проявить себя, реально оценивать свои навыки и возможности, смотреть на проблемы с разных точек зрения, формировать свою личность. В данном случае для преподавателя важно наблюдать за личностными проявлениями студентов и, принимая их во внимание, организовывать учебный процесс, который должен быть как информативным, так и развивающим.

Список литературы

1. Иванова, Л. А. К вопросу о профессионально-ориентированном иноязычном обучении в неязыковом вузе / Л. А. Иванова, Е. Л. Лукомская // Профессиональное лингвообразование : материалы двенадцатой междунар. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород : Изд-во НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 37–44.
2. Медведева Л.В., Куличенко Ю.Н., Личностно-ориентированный подход в обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей // Artium Magister. 2018. Т. 18. С. 35 - 39.
3. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования пед. систем. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. – 272 с.

УДК 81

Надточенко И.А. Сложности, с которыми сталкиваются переводчики научно-технических текстов

Надточенко Ирина Александровна

Ассистент кафедры "Иностранные языки", Севастопольский Государственный Университет

Difficulties faced by translators of scientific and technical texts

Nadtochenko Irina Alexandrovna

Assistant of the Department of "Foreign Languages", Sevastopol State University

Аннотация. С потребностью в глобализации как государственных учреждений и организаций, так и частного сектора, повысился спрос на перевод. Индустрия переводов растет такими же темпами, как и потребность в переводчиках. Выявление основных проблем, с которыми сталкиваются переводчики в сфере переводов является целью данной статьи. Проблемы, с которыми переводчики сталкиваются как в процессе перевода, так и в сфере переводов, решаются несколькими способами. Один из них, с включением социологических подходов в область переводоведения. Главным показателем качества научно-технического перевода является степень приближенности оригиналу. Адекватным называется такой перевод, который объективно, полно и точно передает смысл всего оригинального текста. Автором делается вывод, что поставленные цель и задачи были достигнуты и удалось раскрыть понятие научно-технического перевода, выявить и проанализировать стилистические, лексические и грамматические особенности перевода научно-технической литературы, выделить основные трудности при переводе научно-технического текста.

Ключевые слова: научно-технический перевод, суффиксы, многокомпонентный термин, переводчик-фрилансер, переводческий рынок.

Abstract. With the need for globalization of both public institutions and organizations and the private sector, the demand for translation has increased. The translation industry is growing at the same rate as the need for translators. Identification of the main problems faced by translators in the field of translation is the purpose of this article. The problems that translators face both in the process of translation and in the field of translation are solved in several ways. One of them, with the inclusion of sociological approaches in the field of translation studies. The main indicator of the quality of scientific and technical translation is the degree of closeness to the original. An adequate translation is a translation that objectively, fully and accurately conveys the meaning of the entire original text. The author concludes that the set goal and objectives were achieved and it was possible to reveal the concept of scientific and technical translation, to identify and analyze the stylistic, lexical and grammatical features of the translation of scientific and technical literature, to highlight the main difficulties in the translation of scientific and technical text.

Keywords: scientific and technical translation, suffixes, multicomponent term, freelance translator, translation market.

Введение

С возрастающей потребностью в глобализации как государственных учреждений и организаций, так и частного сектора, повысился спрос на перевод. Индустрия переводов растет такими же темпами, как и потребность в переводчиках.

Зачастую перед переводчиком возникают и проблемы технического характера. Например, научно-технический перевод с английского языка требует учета особенностей построения предложений. В английском они короткие и компактные, часто используются эллиптические конструкции.

Для перевода на русский такие построения объединяются в одно сложносоставное предложение. В данном процессе от переводчика требуется точность к корректности грамматических конструкций и сохранению сути изложения.

Некоторые технические тексты могут содержать специфичную верстку в этом случае задача переводчика будет состоять и в том, чтобы по возможности придерживаться изначального объема текста. При этом в итоговых схемах, таблицах, должны быть понятны связи и смыслы, текст должен быть легко читаемым.

Перевод научной литературы сохраняет все особенности работы с научно-техническими текстами. При этом существует ряд особенностей в зависимости от вида работ:

Полный письменный перевод основная работа, применяющаяся со схемами, инструкциями и декларациями. Необходим максимально приближенный к оригиналу результат.

-Реферативный- для перевода обычно берутся отдельные части текста, которые по итогу складываются в более сжатый реферат по исходнику. Важным аспектом является необходимость изложить суть текста и основные ключевые моменты.

-Аннотационный- краткое изложение оригинального материала, которое ориентировано на быстрое ознакомление с предоставленным материалом.

В соответствии с данными типами изложения выделяют и специфику работы с исходной литературой. Немаловажно учитывать и целевую аудиторию, для которой готовится текст. Они могут быть для научных сотрудников, для читателей, интересующихся разработками в соответствующей сфере науки.

Данные и методы

Очень важно обратить внимание на трудности, с которыми может столкнуться специалист при выполнении перевода научно-технической литературы. Все сложности, которые могут возникнуть у переводчика, И. Д. Люткин [7, с. 5] подразделяет на две большие категории: лингвистические и организационно-правовые, которые взаимосвязаны между собой. Лингвистические сложности охватывают целый ряд важных проблем, которые имеют отношение конкретно к переводу:

1. Достижение адекватности перевода.

2. Расхождение в языковых средствах двух языков при выражении одних и тех же понятий.

3. Многообразие тем переводимых материалов из разных сфер науки, с которыми переводчик должен быть хорошо знаком. Что касается организационно-правовых трудностей, И. Д. Люткин утверждает о слабой разработке категоризации штатных переводчиков, ее отстраненность от других сложностей и особенностей работы переводчиков.

Некоторым сложностям при выполнении перевода научно-технических текстов уделено внимание в журнале «Молодой ученый», в разделе «Филология» [1]. В связи с быстрым развитием техники, в научном языке постоянно появляются новые термины, иными словами-неологизмы. Учитывая этот факт, мы можем сделать вывод о том, что переводчик должен пополнять словарный запас не только на родном языке, но и на языке перевода. Кроме того, специалист в сфере перевода должен интересоваться той областью, в рамках которой он работает, пользоваться всевозможными словарями, справочниками, специальной литературой и обращаться к специалисту в определенной области по мере необходимости. В своей статье под названием «Особенности перевода научно-технических текстов» Елин П.А., президент группы компаний «ABC-Translations» выделяет три основных момента, которые могут вызвать трудности при переводе текстов научного характера [6, с. 11-13]:

1. Наличие лишь лингвистических, но не технических знаний. Все дело в специальной терминологии, адекватный перевод которой невозможен для человека, который знает язык, но не обладает технической компетентностью и наоборот.

2. Перевод терминов, которые характерны для определенной сферы науки и техники. Автор приводит замечательный пример из области экологии, когда переводчик, не обладая необходимыми знаниями в этой сфере и, сталкиваясь со

словом «индикатор», вероятнее всего, ошибочно переводит его на английский язык как *indicator*. Вернее, это не является ошибкой, но есть слова, такие как *spike*, *guide*, непосредственно относящиеся к экологическим терминам, употребление которых в данном конкретном случае будет наиболее корректным.

3. Колоссальная ответственность, возлагаемая на плечи переводчиков научно-технической литературы и документации. Легко представить неловкость ситуации, в которой переводчик допустил ошибку, адаптируя инструкцию по эксплуатации стиральной машины с английского языка на русский. Более того, компаниям не выгодно нанимать работника, некомпетентного в данной области, рискуя при этом своей репутацией.

Рассмотрев некоторые общие особенности перевода научно-технических текстов, стоит сказать, что самой главной и важной особенностью научно-технических текстов, которая также может вызвать ряд трудностей при переводе, является наличие специфической терминологии, которая требует от переводчика знания терминов конкретной области.

Существует множество исследований, связанных с классифицированием, упорядочением и образованием терминов в английском языке, чего нельзя сказать о русском языке. С.В. Гринев рассматривает и сравнивает в своей работе терминосистемы двух языков и разделяет их на три категории: семантические, морфологические и синтаксические [4]. Первая группа включает в себя термины, относящиеся к общеславянскому происхождению в русском языке и принадлежащие к древнеанглийскому периоду, соответственно, в английском [4, с. 124]. Например, «камень», «глина», «вода» в русском; *stone*, *water*, *iron* в английском языке. Другая группа терминов нашла свое место как в русском, так и в английском языке путем заимствований из терминологий других языков. Наиболее ранним способом морфологического терминообразования является конверсия [4, с. 128]. Например, *switch*, *takeoff*, *fallout* образованы путем конверсии при переводе с русского языка на английский. Данный способ не свойственен для русского языка и используется только в английском терминообразовании. Еще одним способом, с помощью которого образовано большинство английских терминов, является суффиксация. Наиболее распространенными являются суффиксы *-ing*, *-ation*. Например, *extracting*, *excavation*, выражающие процесс, действие. Префиксально-суффиксальный способ, в свою очередь, является характерным только для русской терминологии. Например, такие слова как «подоконник», «поселок» образованы таким способом. Синтаксический способ является наиболее продуктивным средством пополнения терминологии [4].

Первая группа терминов, образованных синтаксическим способом, представлена двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями, состоящими из ключевого слова и атрибутивного элемента. Наиболее распространенным является словосочетание NN – существительное + препозитивное определение. Например, clock tower. Данный способ также находит отражение в русском языке в работе В. С. Даниленко [5, с. 106]. Автор приводит в качестве примера «блок управления», «поле излучения». Говоря о моделях именных групп, следует заметить, что большинство из них образованы по одному и тому же принципу, как в английском, так и в русском языках. Еще одним распространенным словосочетанием среди двухкомпонентных конструкций также является «прилагательное + существительное». Например, «мостиковое соединение». Трехкомпонентные конструкции, представленные в русском языке как «существительное + существительное + существительное» (например, «подвижность заряженных частиц»), идентично модели NNN в английском. Например, amusement park building.

Переходя к проблемам перевода научно-технических терминов, начнем с того, что они возникают даже у самых опытных переводчиков. Многие из них полагают, что им не составит особого труда перевести тот или иной термин, или группу терминов, просто выбрав для этого подходящий словарь. Но, встретившись с такой проблематикой, как отсутствие искомого термина в словаре, они понимают насколько сильно ошибались. В данном случае, главная задача переводчика – подобрать качественный аналог к термину, который вовсе не имеет эквивалента. Такой термин называется безэквивалентным. Поиск наиболее подходящего из всех требует хорошей осведомленности в области знаний, с которой работает переводчик, а также детального анализа контекста. Построение эквивалента термина требует огромной ответственности, так как некорректно переведенный термин, к тому же занесенный в словарь, может сбить с толку даже технического переводчика с многолетним опытом работы. Романова О.Н. и Долинская А.В. в своем учебном пособии по основам технического перевода затрагивают тему лексических трудностей перевода научно-технических однокомпонентных терминов [2, с. 11]. Всем нам известно, что английский язык отличается наличием слов с избытком различных значений. Это явление получило название многозначности.

Отдельная сложность принадлежит переводу омонимов (слов одинаковых по звучанию, но разных по значению). Например, сап-мочь, жестяная банка. Более того, Романова О.Н. и Долинская А.В. рассматривают проблемы перевода интернационализмов и приводят в пример слово «спутник» [2]. Оно имеет такие

значения, как «случайный попутчик», «спутник жизни» (супруг, супруга) и «вращающийся вокруг земли космический аппарат». В английском языке слово *sputnik*-только «космический аппарат». Вместе с так называемыми «ложными друзьями переводчика» они также могут вызвать некоторые трудности при переводе. Наибольшие трудности при переводе возникают с последней группой терминов. Их называют многокомпонентными. Это связано с тем, что слова, присутствующие в этих терминах, могут быть взяты из разных областей и быть совершенно разными частями речи. Согласно Косаревской Т.А., под многокомпонентным термином понимается терминологическое сочетание устойчивого типа с числом компонентов более двух [3, с. 17]. Рассмотрим на примере *antifriction bearing lay-out diagram*. В большинстве случаев, ключевое слово стоит последним в таких атрибутивных группах и перевод термина осуществляется от последнего компонента к первому.

Схема, последовательность перевода данной группы терминов осуществляется таким образом:

1. *Diagram* – схема
2. *Lay-out diagram* – схема расположения
3. *Antifriction bearing* – роликовый подшипник

Окончательный вариант перевода подобного многокомпонентного термина будет звучать как «схема расположения роликового подшипника». То есть, одной из главных трудностей при переводе четырехкомпонентных именных групп может послужить разное расположение главного и определяемого слова в пределах одного термина в двух разных языках. Так как пункты, касающиеся классифицирования научно-технических терминов, а также трудностей, связанных с переводом единиц специальной лексики, уже были рассмотрены в нашей работе, самое время разобраться в том, какие переводческие ресурсы существуют.

Заключение

Научно-технический перевод – сложный творческий процесс, целью которого является передача технической информации, содержащейся в оригинальном источнике, средствами языка, которым владеет потребитель информации.

Главным показателем качества научно-технического перевода является степень приближенности оригиналу. Адекватным называется такой перевод, который объективно, полно и точно передает смысл всего оригинального текста.

Технический перевод должен отвечать следующим требованиям:

- унифицированная терминология (использование терминов-синонимов не допускается);
- соблюдение грамматических норм языка перевода;
- соответствие правилам оформления рукописи перевода (компьютерного варианта).

Прежде чем приступить к переводу, необходимо внимательно прочитать весь оригинальный текст. В процессе чтения отметить непонятные фразы, незнакомые или не зафиксированные в словарях термины. Для их уточнения следует обратиться к специалисту, воспользоваться соответствующими справочниками и техническими словарями, специальной литературой. В некоторых случаях возникает необходимость самому раскрыть значение термина. По завершению работы нужно внимательно прочитать перевод, устранить все недочеты, опечатки, пропуски, неточности, а также окончательно унифицировать терминологию.

Для грамотного технического перевода переводчик должен свободно владеть языком оригинала и владеть темой переводимого текста, передать ее ясно и доступно.

Существуют три типа стилистических ошибок, лишаящих текст ясности: ошибочность логического ударения в предложении, аморфность предложений, образование «паразитных» связей между словами. Преодолев эти недостатки, переводчик достигнет четкости и ясности при переводе.

Путем исключения нагромождения длинных слов, сложных оборотов, канцеляризмов, научных терминов и т. п. обеспечивается доходчивость восприятия текста.

Как правило аморфность возникает в случае, если непонятно, на каком слове предложения следует делать логическое ударение. В таком случае правильным выходом является перестановка слова, на которое должно падать логическое ударение, на место, подходящее для акцентирования. Чаще всего такое место в конце предложения, но иногда бывает и в начале.

Паразитные связи-это дефект стиля, когда создается впечатление связи между словами, такой связи не имеющими, что приводит к искажению смысла переводимого текста.

Использование громоздких оборотов и канцеляризмов вызывает отторжение у читателя, делает перевод неинтересным, непростым для восприятия.

Используя синонимы, заменяя два слова одним, заменяя существительные прилагательными, или изменяя всю конструкцию предложения необходимо избегать цепочек существительных в родительном падеже.

Итак, можно сделать вывод, что поставленные цель и задачи были достигнуты, нам удалось раскрыть понятие научно-технического перевода, выявить и проанализировать стилистические, лексические и грамматические особенности перевода научно-технической литературы, выделить основные трудности при переводе научно-технического текста.

Список литературы

1. Ахметова, Г. Д. Некоторые сложности перевода английских технических терминов / Г. Д. Ахметова // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. – 2015. – №4(84). – М. : ООО «Издательство Молодой ученый», 2015. – 15 с.
2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. - М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
3. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука. – 1977. – 124 с.
4. Елин, П. А. Особенности перевода научно-технических текстов / П. А. Елин. – 2015. – №4(10). – С. 11-13.
5. Косаревская, Т. А. Структурно-семантические характеристики трехкомпонентных терминологических образований (на материале подъязыка вычислительной техники) / Т. А. Косаревская. – М. : Киев, 1989. – 200 с.
6. Люткин, И. Д. Научно-технический перевод с русского языка на английский. Методическое пособие для переводчика-практика / И. Д. Люткин; под ред. А. Я. Шайкевича. – М. : Изд-во ВЦП, 1991. – 125 с.
7. Основы технического перевода [Электронный ресурс] : учебное пособие по английскому языку. Электронные текстовые данные (432 кБ) / М-во образования и науки Росс. Федерации, Волгогр. гос. архит.-строит. ун-т ; сост. О. Н. Романова, А. В. Долинская. – Волгоград : ВолгГАСУ, 2011. – <http://www.twirpx.com/file/1207008/>

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81`22

Гимпельсон Е.Г. Системы риторических жанров как основа построения частных риторик

Гимпельсон Елена Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский кооперативный институт
АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»

Systems of rhetorical genres as a basis for the construction of private rhetoric

Gimpelson Elena Grigorjevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Volgograd Cooperative Institute
ANOO IN the Centrosoyuz of the Russian Federation "Russian University
of Cooperation"

Аннотация. В статье анализируется тенденция изучения жанров речи в нашей стране в последние десятилетия. Автор считает целесообразным переключить внимание исследователей с преимущественного описания редких и необычных жанров на рассмотрение профессионально значимых жанров, что будет способствовать повышению коммуникативной компетентности соответствующих специалистов. В рамках каждой частной риторики должен быть установлен круг всех жанров, необходимых специалисту, причем они должны составлять систему, организованную по важным для этой сферы общения критериям. Кроме того, для удобства сопоставления все жанры описываются по одной модели. В работе сформулированы те критерии, которыми следует руководствоваться при описании системы жанров конкретного дискурса, а также приводятся примеры реализации этих принципов в PR-риторике. На материале рекламного дискурса рассмотрена ситуация, когда система жанров составляется в основном из заимствованных из других сфер общения жанров.

Ключевые слова: частная риторика, риторический жанр, система жанров, модель жанра, PR-риторика, рекламная риторика.

Abstract. The article analyzes the trend of studying speech genres in our country in recent decades. The author considers it expedient to shift the attention of researchers from the predominant description of rare and unusual genres to the consideration of professionally significant genres, which will contribute to improving the communicative competence of relevant specialists. Within the framework of each private rhetoric, a circle of all genres necessary for a specialist should be established, and they should form a system organized according to criteria important for this sphere of communication. In addition, for the convenience of comparison, all genres are described according to one model. The paper formulates the criteria that should guide the description of the genre system of a particular discourse, and also provides examples of the implementation of these principles in PR rhetoric. Based on the material of the advertising discourse, the situation is considered when the genre system is composed mainly of genres borrowed from other spheres of communication.

Keywords: private rhetoric, rhetorical genre, genre system, genre model, PR rhetoric, advertising rhetoric.

«Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности» [1, с. 237].

Введение. Изучение жанров (как речевых, так и риторических) в нашей стране особенно активно велось в 90-х годах прошлого века, когда появилось много серьезных работ, посвященных как созданию общей модели описания речевого жанра (далее РЖ), так и формированию континуума жанров, характерных для отдельных сфер общения. Этот факт даже позволил Т.В. Шмелевой высказать надежду на создание в ближайшем будущем «Энциклопедии речевых жанров». Однако в XXI веке интерес к изучению жанров довольно быстро ослабевает, что с сожалением отмечают многие ученые: «Уже по количеству исследований по речевым жанрам, диссертаций, защитившихся по жанрам за последние 2-3 года, хорошо видно, что общий интерес к РЖ в лингвистике действительно сильно уменьшился» [2, с. 6].

Современное состояние изучения системы жанров показывает, что основное внимание ученых с описания частотных общеупотребительных жанров переключилось на исследование новых и необычных феноменов (см., например: [3;4;5; 6 и др.]). Мы несколько не сомневаемся в высоком качестве анализа и научной ценности всех подобных изысканий: для развития науки все новые факты имеют равное значение. Однако здесь необходимо указать на такой нюанс. Изучение жанров весьма актуально не только для академической науки, но и для образования. Так, при обучении риторике в вузе (а тем более в школе) нужно делать акцент не на истории риторики (как это, к сожалению, чаще всего бывает на практике), а на освоении системы актуальных жанров, что приближает этот предмет к практике, позволяет обучаемым более уверенно чувствовать себя в разнообразных ситуациях делового (и профессионального) общения. В связи с этим велика востребованность подробного всестороннего описания именно тех форм, которые полезны для студентов (или школьников). Однако в настоящее время этому аспекту уделяется крайне мало внимания, причем если он и разрабатывается, то далеко не всегда это делается с профессиональных позиций (см. об этом более подробно: [7]).

Для того, чтобы работа над созданием системы жанров была эффективной, необходимо двигаться в двух направлениях. Первое – установление перечня тех жанровых форм, которые следует осваивать при изучении риторики для общего развития (школьники, студенты «неговорящих» профессий и т.п.): малые формы (*просьба, приглашение, благодарность, комплимент* и т.п.) и жанры, характерные

для частотных ситуаций делового общения (*речь-предложение, возражение, поздравительная речь, мнение* и т.п.). Второе – установление круга жанров, необходимых для представителей тех профессий, где специалист работает с помощью речи: для учителей, юристов, журналистов, маркетологов и т.п. Причем в последнем случае нужно рассматривать не только один жанр, который кажется исследователю центральным (*лекция для учителей, судебная речь для юристов* и т.п.), но и весь комплекс жанров (для всех типичных профессионально значимых ситуаций). В связи с этим представляется актуальным сформулировать те критерии, которыми следует руководствоваться при описании системы жанров конкретного дискурса.

Результаты исследования. Во времена «советского ораторского искусства» все многообразие форм речи сводилось к «видам красноречия» (социально-политическое, судебное, педагогическое). В качестве примеров их жанров выступали самые общие универсальные и неконкретные формы: *лекция, доклад, речь, беседа, спор*. Далее пришло понимание того, что социально-политическое красноречие по объему и разнообразию форм несопоставимо с судебным и педагогическим, поэтому должно быть разделено на более конкретные области. Началось формирование отдельных самостоятельных частных риторик, ориентированных на профессиональные сферы общения: сначала политической, дипломатической, деловой, позже медицинской, научной, военной, PR-риторики и др.

На первом этапе каждая такая риторика воспринимается как цельная и единая дисциплина, однако после накопления определенного багажа знаний и разработок нередко происходит дальнейшее разделение или уточнение объекта описания. Так, внутри политической риторики выделяется самостоятельная часть: парламентская риторика. Судебная риторика, которая раньше полностью отождествлялась с юридической, теперь воспринимается как ее раздел, имеющий право на существование только наравне с другими: юридическим консультированием, теорией юридического спора и т.п. Педагогическая риторика разделяется на школьную и академическую и т.п. Здесь прослеживается отчетливая тенденция: чем более востребован и сложен тот или иной вид коммуникации, тем больше ветвей имеет соответствующая риторика.

В настоящее время наиболее разветвленной и сложной оказалась риторика рекламной коммуникации. Здесь изучаются риторические особенности (аргументация, композиция, система жанров и т.п.) рекламы, помещаемой в различных СМИ (радиореклама, телереклама, интернет-реклама, реклама в глянцевых журналах и т.п.); рекламы разных видов товаров (книжная, туристическая,

ресторанная, банковская реклама и т.п.) И разумеется, отдельно описываются особенности социальной и политической рекламы. Этот факт свидетельствует о достаточно высокой степени изученности соответствующего дискурса.

Для создания полноценной системы жанров частной риторики необходимо иметь, во-первых, систему жанрообразующих признаков, предназначенных для унифицированного описания каждого конкретного жанра; во-вторых, четкие критерии создания классификации жанров.

Что касается описания самих жанров, то здесь все более или менее понятно: сейчас существует несколько известных «формул (анкет, моделей, программ) описания жанра», которые различаются некоторыми компонентами (например, М.А. Кантурова и Т.И. Стексова добавляют к традиционному набору «параметр принадлежности жанра к той или иной сфере функционирования» [8], а Т.В. Анисимова – признак «система ценностей жанра» [9]), однако в целом строятся по одному принципу, сформулированному еще в античности: нужно определить кто? к кому? зачем? о чем? и как? обращается (см. об этом [10, с. 47]).

Гораздо сложнее предложить какой-либо критерий для создания системы жанров. Здесь традиционно используется классификация по цели высказывания: информационные, эпидейктические, убеждающие, призывающие к действию (или побудительные) жанры. Правда, не все авторы используют именно эти термины. Так, А.К. Михальская объединяет убеждающие и агитирующие речи (побудительные) в единую группу аргументирующих [11]; ученые, изучающие жанры разговорной речи, дополнительно выделяют категорию фатических жанров и т.п. Несмотря на это принцип классификации жанров по цели везде сохраняется. Этот принцип деления необходим, однако его одного недостаточно. Кроме того, он никак не привязан к профессиональной деятельности людей, и следовательно, не помогает в разработке частных (профессионально ориентированных) риторик.

Основная сложность классификации жанров состоит в том, что не существует единого критерия (принципа, основания), по которому можно было бы составить классификацию, общую для всех частных риторик. В каждом случае эти принципы опираются на специфику ситуации и основной тип деятельности соответствующих специалистов. Поэтому для составления классификации жанров каждой частной риторики следует сначала определить этот основной принцип.

Так, при описании системы PR-жанров главным критерием классификации оказывается степень прямого/косвенного выражения смысла. В отличие от подавляющего большинства других дискурсов, где ядро жанровой системы

составляют наиболее распространенные жанры, предназначенные для прямого выражения типичного для профессиональных ситуаций специалиста содержания, в PR-дискурсе жанры, специально предназначенные для выполнения основной (имиджевой) функции, встречаются относительно редко. Наиболее полно идеологию PR-дискурса выражает *имиджевая статья*. А.Д. Кривоносов определяет ее как жанр PR-текста, представляющий актуальную социально значимую проблему, где факты, лежащие в основе материала о базисном субъекте PR (фирме, организации или персоне), а также точка зрения на данную проблему способствуют формированию или приращению публичного капитала данного субъекта PR [12, с. 241]. Из этого определения видно, что главное назначение всего PR-дискурса (формирование положительного имиджа субъекта у целевого адресата) и назначение указанного жанра полностью идентичны, что и позволяет считать его ядерным жанром этой системы. Однако жанр *имиджевая статья* довольно редко встречается в нашей практике, поскольку рассказ о достижениях и благородных поступках субъекта не способен привлечь большое количество читателей и долго удерживать внимание адресата.

Все жанры, регулярно используемые для реализации основной функции PR-дискурса, могут быть объединены в три блока. В основе этой классификации лежит признак *назначение послания*.

Первый блок включает традиционный набор жанров, составляемых сотрудниками PR-службы субъекта для распространения среди журналистов (*пресс-релиз, бэкграундер, биография, лист вопросов и ответов* и т.п.). Их отличительной чертой является двойная адресация послания: на первом этапе они должны заинтересовать редакцию газеты/журнала и для этого быть не банальными, грамотно составленными и правильно структурированными, а на втором этапе оказать влияние на целевую аудиторию и для этого опираться на ценности и затрагивать интересы целевого адресата (более подробно см. об этом: [13, с. 92-107]). Таким образом, назначение этих жанров состоит во внедрении имиджевой информации в материалы, публикуемые в СМИ.

Второй блок включает жанры, не предназначенные для опубликования в прессе. Они создаются сотрудниками PR-службы субъекта для прямого обращения к целевому адресату с целью формирования положительного имиджа субъекта. Наибольший сегмент этого блока составляют жанры, предназначенные для оформления материалов, размещаемых на сайте субъекта (*миссия, интернет-релиз, история компании, презентация* и т.п.). Кроме того, в этот блок могут быть

включены устные жанры, используемые на различных корпоративных имиджевых мероприятиях (день открытых дверей, презентация, юбилей и т.п.), а также другие жанры, ситуативно необходимые субъекту, например, для общения с органами власти или для популяризации политики субъекта [14, с. 22]. Общее назначение всех таких жанров сводится к прямому распространению субъектом имиджевой информации.

Наконец, третий блок включает самые разные жанры, характерные для других дискурсов, но используемые в PR-дискурсе для косвенного формирования имиджа субъекта. Здесь имиджевая стратегия переводится в сверхзадачу для сообщения о преимуществах и достижениях субъекта с опорой на ценности адресата. Ученые отмечают масштабность такого захвата PR-дискурсом жанров других сфер, что приводит к тому, что «многие традиционные жанры (рецензия, аннотация, биографическая справка и др.) все больше становятся PR-жанрами» [15]. Таким образом, это самый объемный и неоднородный блок, включающий самые разные жанровые формы, которые могут быть дальше классифицированы по степени частотности привлечения для реализации имиджевой функции; по источнику заимствования и т.п.

При описании системы жанров рекламного дискурса наиболее важным признаком становится стремление использовать жанровые формы из других жанровых систем. «Паразитарность рекламы, активно использующей средства воздействия из всех иных дискурсов, является одной из наиболее важных ее характеристик, которая может быть положена в основание классификации. При этом необходимо отметить, что «исконно рекламных типов» достаточно мало (рекламное объявление, афиша, анонс и некоторые другие), в то время как основную массу жанровых форм составляют заимствования из других дискурсов» [16, с. 105]. При этом если PR-дискурс сам проникает в другие дискурсы с помощью вкрапления имиджевой информации в традиционное для тех или иных жанров содержание, то рекламный дискурс привлекает чужие жанровые формы, делая их элементами своей системы.

Первым на стремление рекламы принимать жанровые формы, характерные для других дискурсов, обратил внимание К.Г. Урванцев, который выделил среди жанров теле- и радиорекламы заимствования из состава жанров ораторики (*агитационная речь, инструкция, консультация, совет* и др.), заимствования из состава жанров художественной литературы (*пьеса, сказка, загадка*) и заимствования из состава жанров журналистики* (*интервью, репортаж, комментарий* и др.) [17].

Далее следует отметить неоднородность способов использования перечисленных жанровых форм в рекламном дискурсе. Из ораторики жанры

заимствуются. В рекламе они продолжают выполнять ту же функцию, что и в устной речи: *агитационная речь* призывает адресата купить товар или посетить распродажу, потому что это выгодно (полезно, интересно) для него самого; *инструкция* перечисляет действия, которые необходимо совершить для получения запланированного результата и т.п. Жанры, пришедшие в рекламу из художественной литературы, должны быть обозначены как *стилизация* – «намеренная и явная имитация того или иного стиля, полное воспроизведение его важнейших особенностей» [18, с. 419], – поскольку здесь используется лишь форма соответствующего жанра, которая в своем прямом значении не пригодна для выполнения рекламных функций, однако метафорически переосмысленная, помогает сделать рекламное послание более оригинальным и запоминающимся. Что касается жанров, заимствованных из журналистики, то здесь имеет место *пародирование*: игровое использование совершенно чуждых форм для привлечения внимания адресата.

Свои особенности жанрового состава могут быть присущи не только всему дискурсу в целом, но и отдельным его самостоятельным областям. Так, обзор жанров печатной рекламы фармацевтической продукции представлен в работе Э.В. Волоховой [19], на весьма специфический набор форм, характерных для рекламы туристических услуг, указывает Г.С. Атакьян [20], об особенностях рекламирования образовательных услуг пишут О.Б. Багринцева и др. [21] и т.д.

Как правило, специфика жанрового состава той или иной области рекламы связана с особенностями рекламируемого товара. Например, для рекламирования книжной продукции везде используется только одна стандартная форма аннотации. Вместе с тем за последние 20 лет этот жанр существенно трансформировался и приобрел все признаки сугубо рекламного текста. В традиционном виде (читательский адрес, не оценочное описание содержания книги, специфика издания по сравнению с подобными и т.п.) аннотация встречается только в учебной и научной литературе. Во всех остальных случаях этот жанр весьма далек от исходного стандарта. В нем преобладает персуазивная функция для чего привлекается форма стилизации под жанры того дискурса, к которому относится рекламируемая книга. С этой целью может быть использована как общая структура соответствующего жанра, так и (особенно часто) соответствующие функционально-стилистические особенности. Например, для аннотаций религиозной литературы используется стилизация под проповедь, для аннотаций научно-популярной литературы –

стилизация под научно-популярный очерк, для аннотаций художественной литературы – стилизация под рассказ и пр. (см. об этом [16]).

Выводы. Жанр является центральной категорией риторики, требующей всестороннего изучения и описания, что необходимо для совершенствования преподавания риторики различным категориям обучаемых. Наличие четкой и непротиворечивой формулы (модели, анкеты, программы и т.д.) жанра позволяет более наглядно видеть сходства и различия близких по значению жанров, и следовательно, более глубоко и осознанно осваивать материал.

Полагаем, что более осмысленному и системному изучению жанров способствовало бы всеобщее признание идеи, высказанной О.Ю. Редькиной, которая предлагает считать речевой жанр высшей языковой единицей, позволяющей типизировать все текстовые структуры [22, с. 85]. Эта мысль представляется разумной именно потому, что каждый жанр имеет однозначную модель создания текста, а главное, типовую структуру построения, что (в отличие от текста или абзаца, которые в некоторых работах предлагаются на роль высшей языковой единицы) позволяет абстрагироваться от конкретного содержания речи. Узаконение этой идеи в грамматиках позволит активизировать исследования принципов построения систем жанров и откроет новые горизонты развития как риторики, так и грамматики.

Примечание:

* *Напомним здесь, что речь идет о жанрах телевизионной товарной рекламы. Интервью с директором предприятия или репортаж об открытии нового цеха должны быть признаны PR-жанрами и рассматриваться в рамках соответствующего дискурса.*

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 5–34.
3. Базылев В.Н. От хулилок к трэш-току: эволюция жанра // Жанры речи. 2021. № 4(32). С. 259–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266>.
4. Боц Т.С. Нарушение принципа кооперации как проявление жанра «коммуникативный саботаж» // Жанры речи. 2021. № 1(29). С. 57–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-57-65>.
5. Задорина М.В. Речевой жанр «угощение»: структурная и прагматическая характеристика // Жанры речи. 2021. № 3(31). С. 190–197. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-190-197>.
6. Лутовинова О.В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. № 3(35), Т. 17. С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>.
7. Анисимова Т.В. Некоторые принципы разграничения риторических жанров // Вестник Волгоградского гос. ун-та Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 54–57.

8. Кантурова М.А., Стексова Т.И. Производность и вариативность речевых жанров: монография. Новосибирск: Новосибирский гос. педагогический ун-т, 2019. 128 с.
9. Анисимова Т.В. Исследование системы ценностей подсудимого как способ объяснения мотивов преступления // Общество и человек. 2011. № 1(2). С. 12–14.
10. Рыженко Е.С., Анисимова Т.В. Пресс-релиз как риторический жанр (на материале имиджевых посланий ОАО «МРСК Юга» – «Волгоградэнерго») // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2012. № 8(72). С. 45–49.
11. Михальская А.К. Риторика: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2019. 480 с. https://doi.org/textbook_5b7667b498ddb4.10996853.
12. Кривоносов А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2012. 384 с.
13. Теоретические основы PR-риторики: монография / Анисимова Т.В., Аксенова А.В., Мухина М.В., Рыженко Е.С. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 511 с.
14. Аксенова А.В., Анисимова Т.В. Принципы построения системы PR-жанров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1(20). С. 20–25.
15. Синельникова Л. PR-дискурс как конвергентная социальная коммуникация // Медиаскоп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/879>. Загл. с экрана
16. Анисимова Т.В. Принципы классификации жанров рекламы книги // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 104–113.
17. Урванцев К.Г. Жанровое своеобразие радиорекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2005. Вып. 7. С. 34–45.
18. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия 1987. 752 с.
19. Волохова Э.В. Жанры рекламы фармацевтической продукции в печатной прессе для потребителей-неспециалистов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8–1(38). С. 41–46.
20. Атакьян Г.С. Жанровая палитра рекламного и публицистического дискурсов // Наука-2007: ежегодный сб. ст. ученых и аспирантов АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. Ч. 2. С. 6–10.
21. Багринцева О.Б., Колоколова Н.М., Кривых Л.Д., Пителина М.В. Некоторые особенности современных рекламных жанров (на материале рекламы образовательных услуг) // Гуманитарные исследования. 2016. № 2(58). С. 54–61.
22. Редькина О.Ю. Текст и речевой жанр: место в иерархии языковой системы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 20(311). С. 85–88.

УДК 81.42

Дутова Н.В. Прагматический потенциал английской грамматики в массмедийном дискурсе

Дутова Наталья Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, заместитель заведующего кафедры перевода
и переводоведения, Новосибирский военный ордена Жукова институт
им генерала армии И.К. Яковлева ВНГ РФ, РФ, Новосибирск
dutova_natalya@mail.ru

English Grammar pragmatic potential in Mass Media discourse

Dutova Natalia Valerevna

Cand. Sci. (Philology), docent, deputy head of the translation and interpreting department
Novosibirsk Military Institute, Russia, Novosibirsk

Аннотация. Данная статья посвящена изучению механизмов выбора грамматических средств и их функционально-прагматической реализации при соблюдении норм общественно приемлемого вежливого поведения в условиях напряженного диспута. В частности, в статье методом функционально-прагматического, контекстуального и интерпретативного анализов исследуется прагматический потенциал грамматических средств дистанцирования, намека и уклонения. Было установлено, что интегрированное изучение семантической, структурной и прагматической функций позволяет выявить соотношение содержания языковых единиц высказывания в речевом акте, условий его протекания, а также определить результативный аспект функции, который обеспечивается функционированием языкового элемента во внеязыковой среде через обусловленную культурой категориальную ситуацию.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, телевизионное ток-шоу, грамматические средства коммуникативного дистанцирования, намека, уклонения, культурные ценности, принцип невмешательства.

Abstract. This article is devoted to the study of the mechanisms of choice of grammatical means and their functional and pragmatic implementation in compliance with the norms of socially acceptable polite behavior in a tense dispute. In particular, the article examines the pragmatic potential of grammatical means of distancing, hinting and evasion by the method of functional-pragmatic, contextual and interpretive analyses. It was found that the integrated study of semantic, structural and pragmatic functions makes it possible to identify the ratio of the content of linguistic units of utterance in a speech act, the conditions of its flow, as well as to determine the effective aspect of the function, which is provided by the functioning of a linguistic element in an extra-linguistic environment through a culture-conditioned categorical situation.

Keywords: mass media discourse, TV talk show, grammatical means of communicative distancing, hints, evasions, cultural values, the principle of non-interference.

Современный вектор развития лингвистики предполагает прагматическое изучение коммуникативного взаимодействия с учетом выбора языковой формы и интерпретации высказывания. Вследствие популяризации политических дискуссионных программ, а также возрастающим влиянием СМИ на общественное мнение, особую актуальность получил анализ интерактивного взаимодействия участников политического ток-шоу, предполагающего устное общение журналиста с политическими и общественными деятелями с целью обсуждения различных точек зрения по вопросам, вызывающим острый общественный интерес.

Целью настоящей работы является изучение механизмов выбора грамматических средств и их функционально-прагматической реализации при соблюдении норм общественно приемлемого вежливого поведения в условиях напряженного диспута. Предметом исследования являются грамматические средства дистанцирования, намека и уклонения как прагматические и дискурсивные языковые средства, регулирующие степень вежливости общения в условиях острой дискуссии.

Материалом исследования послужил специальный выпуск британской политической дискуссионной программы «Question Time», посвященный актуальным политическим и социально-экономическим проблемам Афганистана. Выбор телевизионного ток-шоу обусловлен несколькими причинами: 1) политическое ток-шоу обладает потенциалом усиливать восприятие содержания сообщения за счет диспута, острых вопросов, высказываний разных мнений; 2) информативная и воздействующая функции имеют идентичную значимость, так как участники ток-шоу стремятся оказать воздействие на убеждения и установки друг друга; 3) коммуникация в процессе ток-шоу отличается спонтанностью и возможностью наблюдать непосредственную реакцию участников, что создает особую достоверность дискурсивного поведения коммуникантов [1, с.110-115].

Для решения поставленных задач основными методами исследования стали: функционально-прагматический анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ.

Вопросам теории дискурса и массмедийным дискурсом в частности посвящены труды Т. Ван Дейка, Е.С. Абрамовой, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Е.И. Шейгал [2; 3, с.17-19; 4, с. 136-137; 5; 6]. Работы О.Е. Голубь, Г.М. Зельдович, М. Ariel, L.R. Horn посвящены исследованию функционального подхода к языку и функциональной грамматике [7; 8; 9]. Исследования функционально-коммуникативных особенностей английской грамматики описаны в работах Ю.Б. Кузьменковой [11].

Дискурс в данной работе рассматривается как связный текст в событийном аспекте, в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами [4, с. 136]. Массмедийный дискурс представляет собой разновидность институционального дискурса, который характеризуется как языковыми, так и экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими факторами. Данный тип дискурса реализуется посредством текста, взятого в событийном аспекте. Он отражает новые тенденции и явления реальной действительности, так как является самым унифицированным и актуальным видом дискурса. Массмедийный дискурс выступает мощным инструментом контроля над массовой аудиторией. Выполняя функцию воздействия и информирования, массмедийный дискурс обладает информационным и воздействующим потенциалом [3, с. 17-19].

Как подчеркивает Г.М. Зельдович, прагматический аспект грамматики базируется на полисистемном анализе, в основе которого лежит функция. Прагматическая роль грамматических категорий языка детерминирована категориальной ситуацией, как минимального единства, в пределах которого осуществляется функционирование языковых и внеязыковых единиц в речи [8, с. 46].

Функционально-коммуникативные особенности английской грамматики обусловлены культурными ценностями. В центре английской коммуникации стоит принцип невмешательства, который регулирует степень дистанцированности коммуникантов в процессе общения. Коммуникативная дистанцированность детерминирована индивидуализмом и значительной зоной личной автономии [11, с. 152]. Функционально-коммуникативный подход к грамматике позволяет выявить грамматические средства, обладающие прагматическим потенциалом снижать категоричность высказывания, регулировать степень эмоционального воздействия на коммуниканта.

Согласно результатам исследования, наиболее распространенными средствами дистанцирования выступают конструкции с модальными глаголами, смещение временного плана за счет использования форм прошедшего простого и длительного времен.

Приветствуя телезрителей программы, ведущий спецвыпуска обращается к аудитории в зале и телезрителям с благодарностью и предложением присоединиться онлайн к обсуждению острых проблем Афганистана. За счет средств коммуникативного дистанцирования говорящий демонстрирует отсутствие интенции нарушить зону личной автономии, предлагая присоединиться к обсуждению во время

эфира программы в аккаунте ток-шоу, в социальных сетях. Потенциальная возможность зрителей принять или отказаться от предложения ведущего выражена сослагательной конструкцией. Конструкция с *if* и модальным глаголом *can* побуждает зрителей к принятию самостоятельного решения, придает высказыванию особую тактичность и звучит ненавязчиво. Значение возможности, заложенное в семантику модального глагола *can*, дает право аудитории принимать решение самостоятельно: *Very good to see you all and of course welcome you at home. Thank you so much for joining us and for watching. And if you want to join in the debate you can in the usual way on social media at BBC Question Time (текст приводится без изменений согласно видеозаписи) [12].*

Как показало исследование, в качестве самых распространенных средств коммуникативного намека зафиксированы конструкции с наречиями-минимизаторами, открытые вопросы и структуры с глаголами мышления.

Интересным представляется рассмотреть пример использования коммуникативного намека в ситуации критической оценки. Ключевой проблемой ток-шоу выступает открытый, острый, задевающий за живое вопрос о том, почему добившись успехов в стратегии входа в войну в Афганистане, Запад потерпел неудачу в стратегии выхода из войны. Обсуждая сложившуюся ситуацию в Афганистане, член парламента применяет коммуникативный намек для удерживания разговора в русле общепринятых норм вежливости. Прием двойного отрицания деликатно выражает негативное отношение к обсуждаемому вопросу. Данный прием возникает за счет употребления слов с негативным значением в отрицательных предложениях: *was not inevitable*, в прагматическом значении *it was a consequence: I absolutely accept that. And I think it's really important to have a level of humility about that. ... But to answer your question very directly what we've seen unfold in the last few months was not inevitable [12].*

Результаты функционально-прагматического анализа свидетельствуют о том, что самыми распространенными средствами коммуникативного уклонения выступают формы простого прошедшего времени, перфектные конструкции и пассив. Далее рассмотрим пример коммуникативного уклонения. Отвечая на вопрос о неудаче стратегии выхода из вооруженного конфликта в Афганистане, министр по вопросам Ближнего Востока и Северной Африки использует ряд средств коммуникативного уклонения. I-высказывание в сочетании с глаголом мышления и говорения (*think to answer*) способствует сокрытию резкого и негативного отношения, подчеркивая субъективность мнения говорящего, не претендующего на полную

достоверность. We-высказывания как средство обобщения переносят акцент на общепринятое мнение с намерением скрыть свое отношение. Данные конструкции в примере сопровождаются сказуемыми, выраженными финитными формами глагола в past simple (*we started, we gave, we set up*). Глагольная форма в Past Simple квалифицирует событие как рядовое, одиночное в потоке подобных прошлых событий или фактов. Говорящий не рассматривает себя в этом событии, он намеренно мыслит себя вне его, вне временной зоны действия события. Следовательно, комплексное употребление we-высказываний с финитными формами глагола в Past Simple выступает средством уклонения от прямого, открытого ответа. Вводные слова (*well, so*) усиливают эффект смягчения. Прагматическая функция неопределенного наречия *once* - выражение темпоральной неопределенности. Эффект неопределенности усилен анафорическим повтором местоимения *we*: *we started; we gave; we set up*. Пассивные конструкции: *we were lied to; once the Doha agreement had been signed* обобщают информацию, дают возможность избежать прямого давления, соблюдать приличия, а также выступают безопасным способом манипулирования сознанием аудитории. Форма простого герундия после Past Simple: *We started putting things in place* ведет к ослаблению глагольных характеристик и обуславливает высокую степень уклонения от прямого ответа, поскольку глагол *start* в позиции сказуемого допускает вариативное использование как перфектной, так и не перфектной формы герундия. Временная отнесенность неличной формы *putting* в представленном примере устанавливается не относительно момента речи или другого момента действительности, а относительно личной формы сказуемого. Не перфектная форма *putting* может выражать одновременность и следование за действием, выраженным глаголом в личной форме: *Well, I think the answer to the question why was there no exit strategy is because we were lied to. We started putting things in place. So, in April we gave um foreign office travel advice to tell British nationals to leave Afghanistan. We set up the a uh the a-wrap scheme for interpreters and other Afghans who had worked with uh British forces. Once the Doha agreement had been signed* [12].

Функционально-прагматический анализ показал, что участники политического ток-шоу, посвященного актуальным политическим и социально – экономическим проблемам Афганистана, чаще всего используют грамматические средства дистанцирования и уклонения для поддержания беседы в русле общепринятых норм вежливости английской коммуникации. Наиболее популярными грамматическими средствами дистанцирования были зафиксированы

конструкции с модальными глаголами, смещение временного плана за счет использования форм прошедшего простого и длительного времен. Согласно результатам исследования, грамматические средства выражения намека занимают наименьшую частоту использования при обсуждении острых вопросов в условиях напряженной дискуссии. Чаще всего участники ток-шоу обращаются к формам простого прошедшего времени, перфектным конструкциям и пассиву для уклонения от прямого ответа.

В свою очередь прагматическая роль категорий языка заключается в функционально-интегрированном исследовании разноуровневых компонентов: лексических, морфологических и синтаксических. Изучение семантической, структурной и прагматической функций в их совокупности позволяет выявить соотношение содержания языковых единиц высказывания в речевом акте, условий его протекания, а также определить результативный аспект функции, который обеспечивается функционированием языкового элемента во внеязыковой среде через обусловленную культурой категориальную ситуацию.

Таким образом, функционально-прагматическое исследование политического ток-шоу способствует улучшению восприятия смыслов и распознавания способов воздействия на аудиторию. Грамматические конструкции выражения коммуникативных принципов являются ценным ресурсом для анализа различных характеристик политического ток-шоу как дискурсивного массмедийного жанра, требуют пристального внимания, а также дальнейшей теоретической и практической разработки.

Список литературы

1. Дутова, Н.В. Специфика мультимодальной интеракции в политическом ток-шоу / Н.В. Дутова // Сибирский военно-научный вестник. – 2022. – № 1(1). – С. 110-115.
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – [электронный ресурс] URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (Дата обращения: 20.10.2022).
3. Абрамова, Е.С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности / Е.С. Абрамова – Тамбов: Грамота, 2014, – С.17-19.
4. Арутюнова, Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В.Н. Ярцева. – [электронный ресурс] URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (Дата обращения: 20.02.2023).
5. Карасик, В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Тверской лингвистический меридиан: – Тверь, 2007, – 57 с.
6. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И.Шейгал. – М.: ГНОЗИС, 2004, – 326 с.

7. Голубь, О.Е. Роль теории вежливости в формировании прагматической компетенции. Грамматические средства выражения негативной вежливости и реализации ликохраняющих речевых актов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №11 (51). – [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-teorii-vezhlivosti-v-formirovanii-pragmaticheskoy-kompetentsii-grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-negativnoy-vezhlivosti-i> (дата обращения: 12.03.2023).
8. Зельдович, Г.М. Прагматика грамматики / Г.М. Зельдович. – М.: Языки славянских культур, 2012, — 648с.
9. Ariel, M. Pragmatics and Grammar / M. Ariel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008, – 343 p.
10. Horn, L.R. The Handbook of Pragmatics. – [электронный ресурс] URL: <https://www.felsemiotica.com/descargas/Horn-Laurence-R.-and-Ward-Gregory-Ed.-The-Handbook-of-Pragmatics> (дата обращения: 01.02.2023).
11. Кузьменкова, Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. / Ю.Б. Кузьменкова. – изд. Сказочная дорога, 2014 г. – 320 с.
12. Question Time – 18th August 2021 – Afghanistan Special: [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=eH64vuv7-YI> (дата обращения: 26.12.2022).

УДК 811.92

**Романов А.В., Домрачева А.И., Гречишников Н.В., Артемьев И.В.
Искусственные языки для общения между людьми**

Романов Андрей Валерьевич

ст. преподаватель каф. ино Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики, г. Самара
ch.isaac69@mail.ru

Домрачева Алёна Игоревна

студент Поволжского государственного университета телекоммуникаций
и информатики, г. Самара
al.domra4eva2016@gmail.com

Гречишников Никита Вячеславович

студент Поволжского государственного университета телекоммуникаций
и информатики, г. Самара
nik-559@bk.ru

Артемьев Иван Вячеславович

студент Поволжского государственного университета телекоммуникаций
и информатики, г. Самара
jackomanyt@mail.ru

Artificial languages for communication between people

Romanov Andrey Valeryevich

Senior lecturer of the Foreign Languages Department of the Povolzsky State University of
Telecommunications and Informatics, Samara

Domracheva Alyona Igorevna

Student of the Povolzsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara

Grechishnikov Nikita Vyacheslavovich

Student of the Povolzsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara

Artemev Ivan Vyacheslavovich

Student of the Povolzsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara

Аннотация. В данной статье сделан краткий обзор искусственных языков. Данный вид языков создавался более 900 лет и на данный момент их количество составляет около тысячи. Дается структуризация искусственных языков, а также общие сведения о них. В рамках исследования приводится описание фонетических, морфологических, синтаксических и других характеристик одного из искусственных языков.

Ключевые слова: искусственные языки, естественные языки, языки программирования, общение, язык, коммуникация, взаимодействие, Эсперанто.

Abstract. This article provides a brief overview of artificial languages. This type of languages has been created for more than 900 years and at the moment their number is about a thousand. The structuring of artificial languages is given, as well as general information about them. The study describes the phonetic, morphological, syntactic and other characteristics of one of the artificial languages.

Keywords: artificial languages, natural languages, programming languages, communication, language, communication, interaction, Esperanto.

Язык – это некая структурированная система для общения между людьми. Ежедневно мы общаемся в живую или через интернет, используя для этого естественные языки, например, русский, английский, испанский.

Искусственные языки – языки, которые были осознано сконструированы.

Эти языки можно классифицировать по-разному, в том числе с точки зрения их предполагаемой функции (функций) или степени, в которой они опираются на естественные языки, хотя эти две классификации не являются полностью независимыми друг от друга [1].

Целью данной статьи является структуризация искусственных языков, а также общие сведения о них. Научной новизной нашего исследования служит описание фонетических, морфологических, синтаксических и других характеристик искусственного языка на примере языка На'ви.

Ричард Харрисон создал своеобразную классификацию искусственных языков. Ниже приведены несколько примеров из классификации:

1. Классификация по функциям

Лингвисты считают, что основная функция искусственных языков - средство международного общения.

Они предназначались для использования носителями любого естественного языка. Большинство из них относятся к искусственным зональным языкам, языкам, предназначенным для использования носителями группы родственных языков или носителями определенного географического района.

Многие философские языки были предназначены для того, чтобы выполнять роль вспомогательного языка. В свою очередь, философские языки также преследовали цель более четкого и точного представления мира. Философские языки обычно включали сложную классификацию вещей, организмов и других категорий во Вселенной, а слова с похожими значениями имели похожие формы.

Также в некоторой степени пересекаются со вспомогательными языками логические языки, искусственные языки, грамматика которых основана на логике. Наиболее известными такими языками являются *логлан* и его ответвление *ложбан*.

2. Вымышленные языки

Некоторые искусственные языки, вымышленные языки, были созданы в связи с художественным произведением или серией вымышленных произведений. Наиболее известными из этих языков являются новояз из романа Джорджа Оруэлла "1984" [2] и языки, созданные Дж. Р. Р. Толкиеном для его книг о Средиземье [3]. Ранний вымышленный язык - утопический, из книги Томаса Мора "Утопия" 1516 года [4]. Другими довольно известными современными языками этого типа являются дотракийский из серии книг "Песнь льда и пламени", На'ви из фильма "Аватар", который был разработан в 2005–2009 годах лингвистом Полом Фроммером [5].

Языку На'ви свойственны свои отличительные фонетические характеристики. Например, На'ви не имеет звуков [b], [d], [g], но в данном языке, как и в языках Кавказа присутствуют абруптивные согласные [pʰ], [tʰ], [kʰ]. После абруптивных согласных гласные произносятся с остановкой, а при письме их обозначают как px, tx, kx. От словацкого языка язык На'ви перенял долгие сонорные согласные ll и rr.

Алфавит включает семь гласных: a, ä[æ], e, i[i], i̇[i], o, u. Дифтонги: aw [aw], ew [w], ay [aj], ey [j]. Согласные: px [pʰ], tx [tʰ], kx [kʰ], p [p], t [t], k [k], ts [ts], f [f], v [v], s [s], h [h], m [m], n [n], ng [ŋ], w [w], r [r], l [l], z [z].

Структура слога может включать как одну гласную, так и может иметь вид CCVC. Также допускается стечение гласных: [mɛ.o.a.u.ni.a.ɛ.a].

Латинский алфавит служит основой для написания слов. Помимо того, согласные имеют такое свойство, как мутирование на границе слов.

Система местоимений похожа на австралийскую или папуасскую. В грамматике На'Ви три лица и три числа. Особенностью языка является отсутствие рода, также использование суффиксов для различия женского и мужского пола.

Лексика На'Ви достаточно переплетена между собой, в следствии чего образуются крепкие связи в словосочетании. Любое слово может при помощи вспомогательных форм переходить в другую форму. Отличительной чертой морфолого-синтаксического словообразования служит способ перехода слова из одной части речи в другую с помощью приставок.

Существует своего рода комбинация двух видов языков: вспомогательного и вымышленного. Данные языки называли *fauxlangs*. В данную классификацию входят микронациональные языки, то есть языки, на которых предположительно говорят в микронациональных государствах. Развитым микронациональным языком является талоссанский, связанный с Королевством Талосса.

3. Классификация по источникам материала

Многие искусственные языки зачастую основаны на одном или нескольких естественных языках. Эти языки называют – апостериорные языки. Большинство искусственных языков относятся к этому типу.

С другой стороны, некоторые искусственные языки были попытками построить язык “с нуля”; такие языки называются априорными языками. Среди наиболее известных априорных языков – солресол и ро.

Когда искусственный язык содержит значительное количество как априорного, так и апостериорного материала, его называют смешанным языком.

4. Классификация по степени и способам использования

Стоит отметить классификацию в соответствии с реальной ролью коммуникации, которую играют или играли определенные запланированные языковые системы.

До двух миллионов человек в мире говорят на эсперанто. Его использование является самым распространённым в Европе, Восточной Азии и Южной Америке [6]. Эсперанто был создан в конце 1870-х годов Л.Л. Заменгофом. По словам Заменгофа, он создал язык, чтобы сократить «время и труд, которые мы тратим на изучение иностранных языков», и добиться гармонии между людьми из разных стран: «Есть ли только международный язык, все переводы были бы сделаны только на него ... и все народы были бы объединены в общее братство» [7]. Первая книга грамматики эсперанто была опубликована 26 июля 1887, после десяти лет разработки. Язык быстро приобрел большой успех среди людей, которые заинтересовались в изучении данного языка, сначала в Российской империи и Центральной Европе, затем в других частях Европы, Америки, Китая и Японии.

Эсперанто никогда не был официально принят в качестве второго языка, но есть территории с его носителями. Кроме того, он был добавлен в систему образования некоторых стран, например, в Венгрии [8]. Хотя эсперанто официально не признан универсальным международным языком, теперь люди в более чем 100 странах могут говорить на нем.

Базовый английский — это искусственный английский язык. Он был создан Чарльзом Кей Огден. Вообще это упрощённый язык классического английского языка. Впервые его описал в 1930 году Огден в книге «Базовый английский: общее введение с правилами и грамматикой» [9]. Идея создать простой вариант английского языка оказалась очень успешной.

Иврит- современный язык для современной нации, построенный на основе письменного иврита, который имеет широкое распространение в настоящем мире. Со

2 века до нашей эры иврит был исключительно письменным языком. С 19 века иврит как письменный язык реконструируется как разговорный: разрабатывается фонетика, вводится новая лексика для обозначения новых понятий, накладывается требование относительно легкости изучения языка для евреев [10].

Компьютерные языки — это искусственные языки, которые позволяют нам общаться с машинами. Эти языки были изобретены для машинного общения, в отличие от большинства естественных языков, которые были созданы естественным путем. Компьютер не считывает информацию так же, как это делают люди. Сегодня существует множество языков программирования: более 2000 компьютерных языков, но лишь немногие из них широко используются. Согласно индексу ТЮВЕ, самым популярным компьютерным языком на февраль 2023 года является – Python, а наименее популярным – Zig [11].

Языки компьютерного программирования становятся все более актуальными для современной культуры. Сейчас люди общаются с машинами больше, чем когда-либо прежде. Человечество создало языки для передачи информации технологиям. Благодаря глобальной системе взаимосвязанных компьютерных сетей достаточно быстро развивается компьютерная лингвистика, мы связаны по всему миру, и это позволяет нам общаться. Мы используем язык для выражения идеи так же, как компьютер выполняет алгоритм [12].

Но вот в чём главный вопрос: «Кто и как переводит искусственные языки на естественные?» Перевод искусственных языков может быть сложным, но чрезвычайно важным. Там, где естественные языки легко перевести с помощью носителей языка, искусственные языки трудно интерпретировать и переводить из-за отсутствия носителей языка. Поскольку эти языки понимает лишь ограниченное число людей, общение на этих языках становится сложной задачей. Тем не менее, надежное «агентство» переводов может выполнить эту работу за вас — все, что вам нужно сделать, это предоставить текст, который вы хотите перевести, и ждать, пока «агентство» переводов выполнит перевод на ваш любимый искусственный язык. Другой способ, с помощью которого становится легче понимать искусственный язык, — это использование Duolingo - популярной платформы для изучения языков [13].

Современное положение искусственных языков может быть связано с некоторыми проблемами. Искусственные языки на самом деле не являются лингвистически нейтральными, поскольку они в основном происходят из основных языковых семей. Людям приходится прилагать значительные усилия для их изучения, и это делает искусственные языки, не очень популярными среди разных

народов. Помимо того, искусственные языки были созданы намеренно, поэтому они не являются частью природы, идентичности и культуры человека [14]. Таким образом, с практической точки зрения проекты искусственного языка оказались неудачными. Не многие верят, что однажды мир примет такой подход с искусственными языками для международного общения.

На большинстве из искусственных языков будут продолжать говорить в будущем. Разнообразные языки являются частью культурного наследия, но при этом важно сохранить языки малых народов. Тем не менее, идея простого международного общения по-прежнему актуальна для многих исследователей и лингвистов [14].

Таким образом, в данной статье представлен краткий обзор искусственных языков, таких как эсперанто, базовый английский, иврит, На'ви, языков программирования. Авторами сделана попытка не только структурировать искусственные языки, взяв за основу модель классификации Ричарда Харрисона, но также дать общие сведения о них. Научной новизной нашего исследования служит описание фонетических, морфологических, синтаксических и других характеристик искусственного языка На'ви.

Анализируемая проблематика довольно обширна и требует более досконального изучения, которое невозможно привести в рамках данной научной работы. Исследования в области искусственных языков продолжаются как филологами, лингвистами, так и переводчиками.

Теоретическая значимость научной работы заключается в том, что краткий анализ искусственных языков даёт некое представление об их особенностях. Теоретические данные могут быть использованы для изучения данных по тематике специалистами, изучающими искусственные языки с профессиональной точки зрения, а также могут быть полезны всем интересующимся искусственными языками.

Список литературы

1. LINGUISTICS// Искусственные языки. URL:<https://oxfordre.com/linguistics/display/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-11#acrefore-9780199384655-e-11-bibliography-0003> (дата обращения: 15.02.23)
2. Оруэл Джордж. 1984. М.: Прогресс, 1989- С.171.
3. Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова //Дж. Р. Р. Толкиен. Приложения и комментарии к "Властелину колец". URL: <http://lib.ru/TOLKIEN/prilozh.txt> (дата обращения 18.02.23)
4. Томас Мор, Томмазо Кампанелла. Утопия. Город Солнца. — М.: Алгоритм, 2014. — 256 с.
5. Железнова Е.Г. К вопросу об искусственных международных языках. – Научный вестник ЮИМ: №1 2017 год. - 4 с.
6. WORLD HERITAGE ENCYCLOPEDIA. URL:http://community.worldheritage.org/articles/eng/Esperanto_language8. (дата обращения 16.02.23)
7. Wikipedia // Esperanto. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Esperanto> (дата обращения 17.02.23)
8. Kompilita far Renato Corsetti // "Malgranda fina venko" - en Hungario. URL: <http://www.esperanto.hu/> (дата обращения 18.02.23)
9. Charles Kay Ogden. Basic English. Harcourt, Brace & World, 1968. -525 p.
10. Маслова В. А. Лингвокультурография. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 8-9 с.
11. ТИОБЕ //Index for February 2023. URL: <https://www.tiobe.com/tiobe-index/>(дата обращения 18.02.23)
12. Digicult// ARTIFICIAL LANGUAGES, THE LINGUA FRANCA OF THE POST DIGITAL. URL: <https://digicult.it/articles/web/artificial-languages-the-lingua-franca-of-the-post-digital/> (дата обращения 16.02.23)
13. Mars Translation// All You Need to Know about Artificial Languages. URL: <https://www.marstranslation.com/blog/all-you-need-to-know-about-artificial-languages> (дата обращения 16.02.23)
14. Western Washington University. URL:https://cii.wvu.edu/vajda/ling201/test4materials/artificial_languages.htm (дата обращения 17.02.23)

УДК 811

Таджибова З.Т. К вопросу о понятии «Концепт» в современной лингвистике

Таджибова Зайнаб Тагировна

к. ф. н., доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
sainab@mail.ru

On the question of the concept of "Concept" in modern linguistics

Tadzhibova Zainab Tagirovna

PhD in Philology, Associate professor at the Department of Theory and Practice of Translation, Dagestan State University of National Economy

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретическому анализу понятия «концепт» и его структурных составляющих. Разные ученые рассматривают концепт как когнитивное, психологическое, лингво-культурологическое, лингвистическое явление. Каждый подход основывается на усилении той или иной составляющей концепта. Понятие концепта неразрывно связано с психологией и когнитивной лингвистикой. Будучи ментальной единицей, концепт является способом и результатом категоризации окружающей действительности. В результате исследования, автор приходит к выводу о том, что концепт, являясь многомерной познавательной единицей, имеет сложную структуру, в которой тот или иной основополагающий признак сливается с другими составляющими данного понятия.

Ключевые слова: концепт; ментальность; культура; категоризация; вербализация.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical analysis of the concept and its structural components. Different scientists consider the concept as a cognitive, psychological, linguo-culturological, linguistic phenomenon. Each approach is based on strengthening one or another component of the concept. The nature of concept is inextricably linked with psychology and cognitive linguistics. Being a mental unit, the concept is a way and result of categorization of the surrounding reality. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the concept, being a multidimensional cognitive unit, has a complex structure in which one or another fundamental feature merges with other components of this concept.

Keywords: concept; mentality; culture; categorization; verbalization.

Понятие концепта многозначно и расплывчато. Существуют различные дефиниции: «концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема».

Термин «концепт» изначально был заимствован из математической логики и упоминается в «Классической теории концептов» Аристотеля [1]. При этом понятие концепта и старое, и новое одновременно. Слово *conceptus* в переводе с латинского означает «зародыш». Концепт называли «многомерным кластером смысла», «семантическим срезом жизни» [2], «геном культуры» [3], «определенной потенцией смысла» [4], «единицей памяти», «квантом знания», «зародышем мыслительных

операций» [5]. Сегодня термин «концепт» широко используется в различных областях науки о языке. Он вошел в понятийную систему когнитивной, семантической и культурной лингвистики [6].

Изучение концепта в современной лингвистике имеет особое значение, и каждая попытка понять природу этого понятия связана с огромным количеством разносторонних мнений. Так, в когнитивной лингвистике этот термин связывается со способами познания, в лингвокультурологии - с процессами передачи определенного культурного кода, в психолингвистике воспринимается как базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера.

Ю. Степанов полагает, что «концепты - это фразы, фрагменты общения, которые заставляют наш разум создавать образы, знакомые нам много лет». Концепт можно понимать как сгусток культуры в сознании людей, способствующий восприятию культуры и влияющий на нее. Концепт аккумулируется в вербальной форме в мыслительной деятельности носителей языка и представляет собой продукт коллективного сознания. Как когнитивная единица значения, концепт - это абстрактная идея или мысленный символ, который может определяться как «единица знания». Эта единица имеет различные составляющие, дающие ту или иную характеристику концепта. [7, с. 51-71].

Концепты являются единицами познания, через которые участники коммуникации получают представление о культуре того или иного народа. По мнению В. Эванса «Концепты находятся между словами и экстралингвистической реальностью» [8]. Только ценностно-ориентированные явления реальности могут перейти в разряд концептов. Это находит отражения в таких языковых единицах, как пословицы и поговорки, афоризмы, поэзия и проза.

В настоящее время существует несколько подходов к изучению понятия «концепт». Исследователи рассматривают концепт как лингвокультурологическое, лингвокогнитивное, психолингвистическое или лингвистическое явление. Каждый подход основывается на усилении той или иной составляющей концепта.

Первый подход рассматривает концепт как культурное явление. «Концепт - это самоорганизующаяся, интегративная, функционально-систематическая, многомерная, идеализированная единица, основанная на смысловой основе и заключенная в языковом знаке в виде слов (фраз) повседневного языка, или более сложных лексико-грамматических и семантических конструкций, или невербальных субъективных образов или действий» [4].

А. Вержбицкая утверждает, что «концепт» есть предмет из «идеального» мира, который имеет определенное наименование и отражает культурное понимание реального мира [9]. Концепт описывает типичные ситуации в культуре и является предметом культурологических исследований.

По мнению Ю. Степанова, «концепт - это основная культурная единица ментального мира человека». [7, с. 248]. Концепт является ментальной структурой, которая отражает знания носителя языка об определенной составляющей окружающего мира. Концепт аккумулирует ценностные ориентации как отдельного представителя того или иного языкового общества, так и всего языкового общества в целом. Анализируя концепт с культурной точки зрения, следует учитывать тот факт, что содержание концепта ограничено конкретной культурой и эпохой.

Представители второго подхода предлагают рассматривать концепт как лингвокогнитивное явление. Концепт содержит информацию о том, что знает, думает, предлагает, представляет носитель языка.

Понятие «концепт» восходит к тем чувствам, которыми пользуется человек в процессе размышления, что является результатом всей человеческой деятельности и процесса познания объективного мира. Концепт - это разновидность алгебраического выражения значения в письменной речи [10].

В. Нерознак считает, что «концепт - это особый абстрагированный образ, отражающий фрагмент национальной картины мира с помощью слов» [11].

Согласно лингво-когнитивному подходу, концепт неразрывно связан с вербальными средствами языка. Язык не формирует концепты, но служит средством обмена информации в процессе коммуникации. Концепты заложены в ментальной составляющей каждого человека, но для коммуникации их надо вербализовать, то есть выразить языковыми средствами. В языке концепт можно вербализовать и отдельными словами, и фразами, и предложениями, и целыми текстами, которые определяют сам концепт. Выбор языковых средств зависит от значения, модальности, умственной составляющей и словарного запаса участников коммуникации.

Понимание термина «концепт» как мыслительной деятельности является способом и результатом категоризации окружающей действительности. Это связано с тем, что в концепте содержится ментальная составляющая, определяющая форму абстракции, и модель, которая не только описывает объект, но и создает его.

Психолингвистический подход наиболее ярко представлен в трудах Р.М. Фрумкиной, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, А.В. Михеева и др. Согласно И.Н. Горелову и К.Ф. Седову, концепт — это социопсихическая единица

[12]. А.А. Залевская разделяет концепты на две группы. В первую группу входят концепты как достояние индивида, во вторую группу включаются концепты как инварианты, актуализированные в конкретном обществе или даже культуре. С точки зрения психолингвистического подхода, природа концепта связана с психическим взаимодействием понятий «душа» и «тело». Специалисты считают, что концепт имеет динамическую сущность и функционирует как основное перцептивно-когнитивное составляющее коммуникативной деятельности человека, «подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [13].

Концепт как феномен психолингвистики имеет определенные специфические особенности. Одной из таких особенностей является невербальная природа концепта, основу для которого составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций [14].

Особый интерес представляет анализ структуры концепта.

По мнению Степанова, концепт имеет сложную структуру. Все уровни концепта отражают культурную жизнь определенной эпохи. Особая структура концепта включает основную идею, дополнительные идеи (пассивные, исторические), а также внутреннюю форму. Внутренняя форма воспринимается как этимологическая основа, на которой построены все остальные уровни. Совокупность образов и восприятий окружающей действительности представляют собой ментальность. Возьмем, например, представления обычного человека, не врача, о «больном» и «здоровом». Они объединяются в понятие «болезнь», это и есть концепт. И этот концепт закреплен в сознании обычных людей без привязки к профессиональной сфере и понятиям, связанным с определенной историей болезни пациента или набору определенных симптомов той или иной болезни. И этот комок представлений, понятий, ассоциаций, сопровождающих слово болезнь, и есть концепт «болезнь». По сравнению с понятиями в профессиональной сфере («история болезни», «хроническая болезнь», «болезнь Альцгеймера» и т.п.), концепты подвержены переживаниям и эмоциям, а не только мыслям и познанию [15].

Лингвокультурологический концепт является предметом изучения лингвокультурологии и связан также с культурными, когнитивными и лингвистическими науками. Согласно определению Ю. Степанова, лингвокультурологический концепт - это ментальная единица, которая связана с языком, познанием и культурой. Природа лингвокультурологического концепта

связана с ментальностью. При этом, Х. Блум акцентирует внимание на связи ментальности с типичными проявлениями умственных и духовных качеств через национальный характер и способами категоризации окружающей действительности через национальный язык [16]. Многие ученые соглашаются, что ментальность легче описать, нежели определить. Ментальность связана с глубокими познавательными процессами и стандартами поведения и определяет внутреннее желание человека действовать в той или иной ситуации. Лингвокультурологический концепт предполагает наличие оценочного компонента. Оценочность находится всегда в центре концепта.

Существует также иная точка зрения на проблему структуры концепта. Г. Слышкин и В. Карасик предлагают рассматривать концепт как развернутую значимую конструкцию, в которой можно выделить коннотативную, денотативную и оценочную стороны. Денотативный аспект концепта - это лингвистическая основа концепта, его имени, оболочки, характерных черт структуры, определения, сравнительных составляющих концепта по отношению к другим группам концептов. Образная сторона концепта - это его визуальные, слуховые, тактильные, вкусовые характеристики, которые в той ли иной форме отражаются в нашем сознании. Оценочная сторона концепта выявляет важность познавательного процесса, как для отдельного человека, так и для языкового общества в целом.

Ученые считают концепт многомерной познавательной единицей, в которой превалирует оценочный элемент. Концепт сгруппирован вокруг сознательного ядра, из которого расходятся ассоциативные векторы. Большинство главных ассоциаций носителей языка составляют ядро концепта, менее важные ассоциации - периферию. У концепта нет четких границ и отдаляясь от ядра ассоциации становятся более размытыми. Концепт воспроизводится в сознании с помощью языковых единиц. Концепт может реализовываться через разные языковые уровни: лексемы, идиомы, паремии, предложения и даже тексты.

Ученые выделяют 4 зоны в структуре концепта - главная (внутреннее ядро) и дополнительные зоны (квази-зоны). Главная зона выражает денотативное и коннотативное значения слова. Квази-зоны связаны с ассоциациями, через которые концепт получает дополнительные оттенки значения [17].

В. Эванс полагает, что внутренняя организация концепта включает чувственный образ, информационное понятие и содержательные черты. Чувственный образ в структуре концепта формируется когнитивными свойствами восприятия. Эти свойства возникают в сознании носителей языка и отражают

окружающую действительность через органы чувств. Содержательные черты формируют метафорическое содержание объектов и явлений. Структура концепта формируется познавательными составляющими, которые сливаются с когнитивными чертами в зависимости от степени яркости разума [8].

Информационная часть концепта состоит из минимального количества познавательных черт, обозначающих самые важные и отличительные черты предмета или явления. Содержательное поле включает познавательные черты, раскрывающие информационное содержание концепта. Отличительной чертой содержательной стороны является наличие когнитивных свойств, взаимодействующих друг с другом. Структуру концепта можно описать только, если определить его содержание, то есть раскрыть познавательную сторону концепта. В результате, структуру концепта можно представить в виде круга. Основное понятие - ядро концепта — это центр структуры, а на периферии остается все, что отражает культуру, традиции и личный опыт.

В нашем понимании, концепт является достоянием не только конкретного индивида, но и общества в целом, и содержит в себе образную составляющую, определенную ментальность, а также культурно-исторические особенности того или иного этноса. Поэтому понятие концепт необходимо рассматривать комплексно, чтобы полученный результат исследования оказался наиболее глубоким и объективным.

Таким образом, концепт настолько многогранная и разносторонняя единица познания, что его изучение не ограничивается представленными культурологическим, психолингвистическим и когнитивным подходами. Каждый подход направлен на усиление той или иной составляющей концепта. Так, представители лингвокультурологического подхода идентифицируют концепт с фрагментом культуры, который выражается через вербальные средства языка и хранит в себе память того или иного народа. Вследствие этого, концепт в их понимании отражает сознание представителей одного и того же народа и затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. С точки зрения лингвокогнитивного подхода, концепт — это абстрактное понятие в сознании индивида, возникающее в результате его мыслительной деятельности и нуждающееся в вербализации с целью обмена информацией. Психолингвистическая теория связывает концепт с взаимодействием физического и духовного, придерживается и вербальной динамической природы концепта в силу перцептивно-психических реакций человека. В любом случае концепт является понятием ментальным, а следовательно,

затрагивает многие сферы функционирования отдельного индивида и общества в целом.

Также концепт имеет определенную структуру, но разные ученые определяют ее по-своему. Так, структура концепта может включать основную идею, дополнительные идеи (пассивные, исторические), а также внутреннюю форму. Возможно изучение концепта как развернутой значимой конструкции, в которой различают коннотативную, денотативную и оценочную стороны. Ряд ученых выделяют следующие зоны в структуре концепта – главная (внутреннее ядро) и дополнительные зоны (квази-зоны). Следовательно, структура концепта формируется теми или иными признаками, которые сливаются с интеллектуальными, образными, познавательными и другими составляющими.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении природы концепта, его связи с различными сферами жизнедеятельности человека и выработке единого определения понятия «концепт».

Список литературы

1. Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Translated by David Ross and Edited by Lesley Brown. – USA: Oxford University Press, 2009. – 336 p.
2. Clark H., Marshall C. *Definite Reference and Mutual Knowledge // Elements of Discourse Understanding*. – Cambridge University Press, 1981. – P. 10-63.
3. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics, Volume 1. Concept Structuring Systems*. – The MIT Press, 2000. – P. 104-118.
4. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // *Концепты*. Вып 1. –Архангельск, 1997. – С. 32-45.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста*. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
6. Croft W., Alan D. *Cognitive Linguistics*. – The UK CUP, 2004.
7. Степанов Ю.С. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
8. Evans V. *How Words Mean*. – New York. OUP. – 2009.
9. Goddard C., Wierzbicka A. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages and Cultures*. – Oxford University Press, London, 2016.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность*. М.: Academia, 1997. – С. 280-288.
11. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // *Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков*. - Омск, 1998. – С. 80-85.
12. Горелов И.Н., Седов К.Ф. *Основы психолингвистики*. – Издательство «Лабиринт», М., 2001. – 304 с.
13. Залевская А.А. *Что там - за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография*. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
14. Damasio A. *The feeling of what happens: Body, emotion and the making of consciousness*. London: Vintage. –1999. – 386 p.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. – М., 2007. – 314 с.
16. Bloom H. *The Global Brain: The Evolution of Mass Mind from the Big Bang to the 21st Century*. – John Wiley & Sons, New York, 2000.
17. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. *Антология концептов*. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
18. Winston J. Perez. *Concerning the nature and structure of concept*. – Los Angeles, CA, 2020. – 310 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 8.811

Абреимова Г.Н. Структурные и семантические особенности употребления фразеологизмов библейского происхождения в произведениях и дневниках М.М. Пришвина

Абреимова Галина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения ЕГУ им. И.А. Бунина, Россия, Елец
abreimova.g.n@yandex.ru

Structural and semantic features of the use of phraseological units of biblical origin in the works and diaries of M.M. Prishvin

Abreimova Galina Nikolaevna

PhD. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language Teaching Methodology and Document Science, Bunin State University, Yelets, Russia,

Аннотация. Статья посвящена особенностям использования двух фразеологизмов в произведениях и дневниках М.М. Пришвина (1905 – 1954 гг.), выделенные методом сплошной выборки с помощью программы AntConc. Определяются их структурные особенности и способы трансформации в авторском тексте. В ходе исследования было выявлено, что данные библейские выражения в тщательно подобранном контекстном окружении имеют большой преобразовательный потенциал. Писатель часто использует модифицированные варианты данных фразеологизмов, которые служат М. Пришвину мощным эмоционально-выразительным средством.

Ключевые слова: библейское выражение, фразеологизированная конструкция, М. Пришвин, трансформация, окказиональная ФЕ, структурно-семантическое преобразование.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the use of two phraseological expressions in the works and diaries of M.M. Prishvin (1905 - 1954), selected by the method of continuous sampling with the help of AntConc. Their structural features and ways of transformation in the author's text are defined. In the course of the study it was revealed that these biblical expressions in a carefully selected contextual environment have a great transformative potential. The writer often uses modified versions of these phraseological expressions, which serve M. Prishvin as a powerful emotional and expressive means.

Key words: biblical expression, phraseological construction, M. Prishvin, transformation, occasional phrase, structural and semantic transformation.

Одним из главных литературных источников идиоматических выражений являются тексты Библии, которые оказали большое влияние на художественное творчество того или иного писателя. Некоторые понятия, основанные на библейских текстах, не только получили новые значения, но и были полностью переосмыслены.

Несмотря на универсальную семантику крылатых выражений Ветхого и Нового Заветов индивидуально-авторские варианты библейских фразеологизмов обладают своими смысловыми, грамматическими, лексическими и стилистическими особенностями [2]. Устойчивые сочетания или цитаты, представляющие собой библейские выражения, попадая в определенное контекстуальное окружение, задают тексту специфическое настроение и тональность звучания.

В данной статье предпринимается попытка определить в художественном наследии М. М. Пришвина функциональный и преобразовательный потенциал двух часто встречающихся фразеологизмов библейского происхождения *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное* и *продать свое первенство за чечевичную похлебку*, указанных в словаре К.Н. Дубровиной [2, с. 334-336; 2, с. 539-542]. Материалом для научного исследования послужили дневниковые записи и художественные произведения писателя с 1905 по 1954 гг., где с помощью программы AntConc [7] было выявлено 45 употреблений данных фразеологизированных конструкций.

По нашим наблюдениям, тематика текстов М.М. Пришвина относится в основном к общественному дискурсу, что объясняет выбор употребления тех или иных фразеологизированных конструкций. Например, в нижеприведенном контексте в первом предложении ключевой компонент паремии *продать первенство за чечевичную похлебку* выступает в качестве тезиса, во втором используется с целью подытожить сказанное: **«нет оправдания необходимости *борьбы за чечевичную похлебку* в положении второго Адама. Война заставила взяться человека за ум, т. е. из идеальной области перейти в область материально-практическую – и тем самым *взяться за чечевичную похлебку*»** (Дневники. 1947, с. 661-662).

Анализируемые библейские выражения в дневниках писателя имеют явный или скрытый морально-дидактический подтекст, находятся в русле борьбы с дидактизмом и морализаторством. Так, М. М. Пришвин, исповедуя философию непротивления злу насилием, в своих дневниках использует фразеологические обороты для выражения личного мировоззрения о коммунистической идеологии, в основе которой лежит ценностная дихотомия 'добро – зло': **«Вся тревога моя направлена к тому, чтобы коммунизм, питающий первенство каждого в едином деле красоты и добра, *не подчинить чечевичной похлебке равенства всех*»** (Дневники. 1948, с. 96).

Анализ контекстуального использования данных библейских оборотов в дневниковых записях показал, что М.Пришвин часто употребляет паремии не только

как средство оценки действий известных писателей, государственных деятелей, литературных критиков, но и для характеристики их личностных качеств. Например, «Сам Толстой, стоял в жизни как **верблюд перед игольным ушком свободы**» (Дневники. 1945, с. 559); «еще много горше делает Леонов, **продавая первенство за чечевичную похлебку**» (Дневники. 1945, с. 447); «я очень хочу, чтобы Черчилль, богатый, **пролез через то самое игольное ушко, через которое пролез русский богатый человек**» (Дневники. 1948, с. 60); «интеллигент Писарев, **продавший первенство за чечевичную похлебку**, – будет инспектором округа» (Дневники. 1919, с. 312).

Для выражения резко негативного отношения автора к адресату, писатель включает библейское выражение в рамки такого контекста, где усиление отрицательной оценки происходит с помощью введения дополнительных компонентов, влияющих на коннотацию ФЕ: «много страшнее: если некий муж **свою чечевичную похлебку, полученную за первенство, будет возносить выше утраченного первенства**» (Дневники. 1943, с. 516-517). Экспрессивная функция в авторском повествовании выражается путем вербализации настроений и чувств говорящего, эмоционально воздействуя на адресата, где фразеологическим актуализатором выступает агентив *кастраты духа*: «*Кастраты духа, продавшие первенство за чечевичную похлебку*» (Дневники. 1932, с. 92). Еще одним приемом повышения экспрессивности произведения является включение библейское выражение в такое контекстное окружение, где его основу составляет ассоциация по контрасту. Для этого писатель сопоставляет две части оборота с помощью лексики *борьба*: «мысль о **борьбе чечевичной похлебки против борьбы человека за его первенство**» (Дневники. 1947, с. 661); «**борьба чечевичной похлебки человечества ... против борьбы человека за первенство**» (Дневники. 1947, с. 660); использует противопоставление оценочных суждений по признаку 'хорошо – плохо': «*вкусив личной свободы, хлебнув куриного бульона с гренками, не хочется возвращаться к чечевичной похлебке?*» (Дневники. 1948, с. 218); соотносит библеизм с лексемой *дача*, что помогает показать резкое противопоставление по признаку 'большой – маленький': «*дача показала чечевичной похлебкой, полученной за продажу первенства*» (Дневники. 1947, с. 408).

Нередко писатель трансформирует фразеологизированные конструкции путем частичного изменения их структуры. Так, нейтральная лексема *пройти* со значением «переместиться в пространстве» [3], заменена глаголом *пролезть*, семантика

которого предполагает компоненты *отверстие*, *щель* синонимичные словосочетанию *игольное ушко*, что создает коннотативную и смысловую избыточность: «*легче верблюду сквозь игольное ушко пролезть, чем богатому в Царство небесное*» (Дневник. 1928, с. 338); «*богатому (верблюду) пролезть через игольное ушко*» (Дневник. 1947, с. 696); «*легче верблюду в иголку пролезть*» (Дневник. 1949, с. 542). В последнем примере, помимо глагольного компонента, изменению подвергается словосочетание *игольное ушко* на существительное *иголка* путем метонимического переноса 'часть – целое'. Субституция глагольного компонента *продать* лексемами *менять*, *отдать*, *соблазниться* структурно приспособливает фразеологическую единицу *продать первенство за чечевичную похлебку* к условиям контекста, в котором данный оборот, представляя собой гибкое речевое средство, способен выполнить поставленные писателем коммуникативные задачи: «*меняет свое первенство на чечевичную похлебку*» (Дневники. 1943, с. 430); «*отдать первенство за чечевичную похлебку*» (Дневники. 1932, с. 131); «*соблазняться чечевичной похлебкой*» (Дневники. 1932, с. 91). Еще одним примером порождения индивидуально-авторского фразеологизма является образование ФЕ путем замены стержневого словосочетания *игольное ушко* субстантивным компонентом *хомут*, который противопоставлен прототипу по параметрическому признаку с общей семьей 'размер' (маленький – большой): «*(коммуна) – это большой хомут, через который пройдет даже верблюд*» (Дневники. 1919, с. 211).

Внутримодельное преобразование утвердительной формы библейского выражения в отрицательную дает возможность писателю изменить значение фразеологизма на противоположное 'отстаивать самооценку человеческой личности перед внешними обстоятельствами': «*И Толстой, и Гоголь, и все эти крупнейшие люди отдаются внешнему Надо. Я сто раз клялся **не отдавать первенство за чечевичную похлебку и не отдам***» (Дневники. 1941, с. 373).

В ходе исследования мы сделали вывод, что фразеологизированная конструкция *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие* в текстах писателя часто служит для создания эффекта языковой игры. Для этого М. Пришвин использует парафраз, изменяя лексический состав устойчивого выражения, т.е. сохраняя только первую часть библеизма, а вместо второй либо указывает на то или иное, по его мнению, практически невозможное событие, либо сравнивает обе части фразеологизма по степени вероятности: «***легче верблюду пройти через игольное ушко, чем педагогу стать художником***»

(Дневники. 1939, с. 316); **«легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем ученому освободиться от своей специальности»** (Дневники. 1952, с. 187); **«легче верблюду в иголку пролезть, чем физику войти в область духовной культуры»** (Дневники. 1949, с. 542); **«легче верблюду пройти сквозь иглу, чем этим людям, украинским кулакам и английским лордам, войти в царство советское»** (Дневники. 1948, с. 309). В следующих примерах характеризуется действие, которое с трудом, но все-таки выполненное: **«Но... легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем пройти английскому лорду через то ушко, в которое пролез русский человек»** (Дневники. 1945, с. 538); **«верблюд, сумевший пройти сквозь игольное ушко»** (Дневники. 1945, с. 562).

Введение дополнительных компонентов в состав фразеологизированных конструкций не только воссоздают яркий образ, но и в целом повышают экспрессивность высказывания. Библейские выражения, оказавшись в контекстуальном окружении, образуют с ним единое целое, что помогает читателю понять, на что именно обращает внимание автор: **«через игольные уши, проходят верблюды воровства и обмана»** (Цвет и крест, с. 188); **«Богатый стоит перед игольным ушком свободы, как верблюд»** (Дневники. 1945, с. 559); **«Вчера Вальбе обнажил душу бедного еврея, уступающего свое первенство (в Боге) за чечевичную похлебку жизни»** (1945, 637); **«все отдают свое первенство за чечевичную похлебку цивилизации»** (1937, 548).

М.Пришвин в нескольких примерах использует фразеологический эллипсис, намеренно сокращая библейские выражения до словосочетаний *легче верблюду*, обозначающего 'действие, которое трудно выполнить', где вместо второго фрагмента паремии писатель ставит многоточие, указывая на недосказанность, интонационную незавершенность: **«Милый Гувер, легче верблюду...»** (Дневники. 1950, с. 251);

Анализ языкового материала показал, что писатель вводит в текст фразеологические обороты, образованные путем вычленения ключевого компонента (*игольное ушко, верблюд, чечевичная похлебка*), акцентирующего внимание на выражении авторского замысла: **«... социалист, жертвуя своей жизнью за сохранение жизни (земли) других, дает живой пример веры в жизнь – но... горнило жизни, игольное ушко (верблюд через игольное ушко)»** (Богоискательство, с. 638); **«игольное ушко для горбатого верблюда»** (Начало века, с. 311-312); **«богатый сравнивается с верблюдом перед игольным ушком»** (Дневники. 1945, с. 559); **«личность делается рабом чечевичной похлебки»** (Дневники. 1936, с. 230); **«Путь к массам: это не путь подмены «Фацелии» чечевичной**

похлебкой» (Дневники. 1941, с. 473).

Особый интерес в изучении языка любого писателя вызывают различные окказиональные фразеологизированные конструкции. Так, М. Пришвин часто использует «авторскую самодефиницию» (), как один из приемов экспликации определенного коммуникативного намерения, т.е. М. М. Пришвин вводит в текст собственное толкование фразеологической единицы с целью конкретизации или уточнения ее общеизвестного значения. Например, фразеологизм *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие* имеет кодифицированный вид, т.е. сохраняется его форма и семантика, при этом стилистический эффект возникает в результате взаимодействия с контекстом: **«...легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное – создать что-нибудь – это значит отдать себя...»** (Дневник. 1947, с. 670). В ходе анализа данный прием позволяет моделировать сложное смысловое содержание, предполагаемое авторским замыслом. Например: *«раздай богатство свое» означают ... найти заместителей своих и им все поручить, и они бы сумели его переделать в добро. Вот эти трудности верблюда перед игольным ушком»* (Дневники. 1945, с. 559). В данном примере фразеологизм *трудности верблюда перед игольным ушком* подвергается экспликации путем введения конструкции, представляющей собой обобщающее понятие – указательные местоимения *вот эти*. Значение библейского фразеологизма представлено в тексте с помощью авторского толкования евангельского отрывка.

Для выражения личного отношения к изображаемому М.М. Пришвин в нижеприведенных контекстах наполняет его индивидуально-авторским смыслом: существительные *философия, коммунист, мещанство* в текстах писателя выступают в качестве обобщающих понятий, раскрывающих смысл анализируемых библейских фразеологизмов: **«христианская философия – игольное ушко, через которое нужно провести верблюда в Царство Небесное, богатого верблюда»** (Начало века, с. 311); **«(коммунизм) является более питательной почвой для выхода первенцев культуры, чем чечевичная похлебка парламентского социалистического равенства»** (Дневники. 1948, 96); **«коммунист – это человек, отдающий первенство свое (личность) за чечевичную похлебку (партия)»** (Дневники. 1944, 345); **«мещанство есть первенство, отданное за чечевичную похлебку»** (Дневники. 1932, 91).

Писатель использует намеренное языковое обыгрывание семантики и структурной формы библейского оборота, оригинально связывая ключевые

компоненты фразеологизма с окружающим контекстом. Окказиональная ФЕ строится на основе буквализации, где на первый план выступает значение библейского выражения, лежащее в образной основе оборота 'богатство – тяжкий груз, мешающий попасть в Царство Божие': *«все бесчисленные «богатые» вынуждены были сложить все нажитое свое перед **игольным ушком** и голенькими **лезть поодиночке в ушко** ... богатый обречен умереть за свое богатство **перед игольным ушком**»* (Дневники. 1945, с. 559). В приведенном примере М.М. Пришвин использует библейское выражение, которое актуализируется в приведенном контексте, получая при этом авторскую интерпретацию.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что смысловые значения библейских фразеологизмов в произведениях и дневниках М. Пришвина реализуются именно в контекстном окружении. Библейские паремии в языке писателя подвержены семантическому и структурному варьированию, что способствует реализации инновационного потенциала: уточнение семантики используемого оборота или появления у него авторского толкования. В произведениях и дневниках М. М. Пришвина структурно-семантические трансформации библейских паремий обусловлены контекстуальным окружением, что повышает экспрессивность текстов. Нами выделен ряд трансформаций, среди которых встречаются субституция одного из компонентов в составе единицы и экспликация компонентного состава. Большое значение для М.М. Пришвина имеет индивидуально-авторская семантизация библеизмов в тексте, когда писатель вкладывает свой смысл в концептуально значимые для него единицы. Для правильного понимания авторского толкования фразеологических выражений необходимо точно определять границы их контекста, что связано в первую очередь с определенной художественной задачей писателя.

Список литературы

1. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М., 2010. 808 С.
2. Дубровина К.Н. Стилистическое использование библеизмов в творчестве В.В. Маяковского // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. С. 103-116.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/пройти> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Парина И.С. Фразеологизмы: теоретические представления vs. корпусные исследования // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2015. – Нижний Новгород: ИПФ РАН. 2015. – С. 170-172.
5. Программа составления конкордансов по некоторому корпусу текстов: версия AntConc3.5.9. Режим доступа: <http://www.laurenceanthony.net/software.html> (дата обращения 10.01.2023).
6. Электронная библиотека М.М. Пришвина. Режим доступа: <http://www.elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения: 10.01.2023).

УДК 81-11

Черникова Е.О., Чернышова Л.А., Сачкова Е.В. Основные типы терминов-синонимов в составе англоязычной экологической терминологии

Черникова Елена Олеговна

к.филол.н, доцент кафедры «Лингвистика», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, Москва
elenach328@mail.ru

Чернышова Лариса Анатольевна

д. филол.н., профессор, Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
РФ, г. Москва
chernyshovalor@gmail.com

Сачкова Елена Владимировна

к.филол.н, доцент кафедры «Лингвистика», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), РФ, Москва
november29@yandex.ru

The Main Types of Synonymous Terms in the English-language Ecological Terminology

Chernikova Elena Olegovna

PhD in Philology, Assistant Professor of the Linguistics Department, Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Chernyshova Larisa Anatol'evna

Doctor of Sciences (Philology), professor, Russian University of Transport RUT (MIIT)
Russia, Moscow

Sachkova Elena Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor of the Linguistics Department, Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Аннотация. Рассматриваются особенности синонимии в экологической терминологии. Выделяются основные типы терминов-синонимов. Обнаружено, что наиболее продуктивными лексическими единицами выступают терминологические дублиеты и полилексемные термины с синтаксической моделью словообразования. Доказано, что термины-синонимы зарождаются в экологической терминологии английского языка по разным причинам. Основными источниками зарождения синонимичных терминов можно считать: различное обозначение одного и того же понятия, продиктованное особенностями национального мышления конкретного этноса; дифференциацию вариантов полилексемного слова; взаимодействие лексических слоев; функционирование полного и неполного формального варианта термина; наличие аббревиатурных обозначений; словообразовательные модификации. Изучение имеющихся в нашем распоряжении примеров позволило прийти к следующему выводу: в англоязычной терминологии экологии в синонимических отношениях участвуют разные, с точки зрения структуры, термины, среди которых распространены односложные разнокоренные синонимы,

двухкомпонентные лексемы, а также синонимы, представленные словосочетаниями или аббревиатурным обозначением.

Ключевые слова: экологическая терминология; синонимия; дублеты; полилексемные термины; аббревиатуры.

Abstract. The article examines the features of synonymous terminological words included in terminology of ecology. Special attention is paid to the study of the formation ways of synonymous terms in the English-language ecology vocabulary. Basic types of synonymous ecological terms were singled out. It was found that doublets and poly-lexemic terms with syntactic term-formation model constitute the group of the most productive lexical units. It has been proven that synonymous ecological terms emerge in the English-language terminology for various reasons. Among them are the following: the various naming of the same notion that results from particular characteristics in national cognition of a particular ethnicity; the differentiation of a poly-lexemic word unit; the lexical layers interaction; the existence of complete and short formal variant of a term; the availability of abbreviated formations; the word-building modification. In accordance with the examples available to us we can draw the following conclusion: the English-language ecology vocabulary is characterized by the presence of structurally distinct terms entering into synonymous relations: the monosyllabic different root synonyms; the two component lexical items; the synonyms in the form of word-combinations or abbreviations are among them.

Keywords: ecology terminology; synonymy; doublets; poly-lexemic terms; abbreviations.

Явление неоднозначности терминологических единиц остается актуальным на протяжении нескольких десятков лет. Выступая, по сути, словами «точного» языка, термины попадают под воздействие тех же семасиологических проявлений, которые присутствуют в лексическом составе языка обыденного. Необходимо, однако, заметить, что концепция синонимии терминов находит разное осмысление в общебытовом лексиконе и в языке для специальных целей.

Согласно «Словарю лингвистических терминов», синонимами принято считать «слова схожие по смыслу, передающие одно и то же понятие, но расходящиеся оттенками или стилистическим своеобразием, либо и тем и другим. В большинстве случаев синонимы относятся к одной части речи и представляют собой взаимозаменяемые компоненты выражений» [6]. Исходя из приведенной дефиниции, в общеупотребительном языке под синонимами подразумеваются разные, но, впрочем, близкие по значению слова. Стоит учесть, что в вышеупомянутом случае с бытовой лексикой синонимия воспринимается как благоприятное явление.

Что касается специальной лексики, следует подчеркнуть, что она отличается некоторым набором требований, предъявляемым к языковым единицам, входящим в ее состав. Одним из таких требований значится семантическая точность специальных

терминов. Термин, будучи вербальным средством выражения научной речи, служит инструментом для точной передачи знаний.

Стоит учесть, что попытки исследования экологической терминологии предпринимались отечественными лингвистами на протяжении нескольких десятков лет. Для сравнения, отдельные аспекты становления и развития русско- и англоязычной экологической лексики обсуждались в научных трудах А.С. Ивановой [1], А.А. Черепановой [2]; в работах С.А. Гоман [3] обращается внимание на способы перевода современных экологических терминов с английского языка на русский. При этом, следует признать, что большая часть предпринятых исследований выполнены в русле лингвокультурологического направления при опоре на традиционный подход.

Отметим, что в современной науке о языке терминологическая синонимия признается большинством исследователей. При этом, в терминоведении не существует единого подхода к определению и разграничению таких языковых единиц, как *вариант*, *дублет* и *синоним*.

Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, в терминологиях отдельных областей знания существуют как дублеты, так и варианты синонимических терминов, выраженные различными морфологическими формами абсолютных синонимов. Вариативность трактуется ученым как разновидность синонимии [4, С. 105]. В предпринятом исследовании синонимичных терминов экологии за основу принята классификация, предложенная С.В. Гриневым-Гриневичем.

Описанные научные понятия позволяют утверждать, что, несмотря на существующий плюрализм взглядов относительно терминологической синонимии, очевидным остается один факт – синонимия олицетворяет закономерный результат эволюции терминологии.

Объектом исследования в настоящей работе выступают термины-синонимы в английском языке.

Цель работы заключается в установлении источников становления терминов-синонимов в англоязычной экологической терминологии, а также в выделении основных типов терминов-синонимов в описываемой области научных интересов.

Эмпирическим материалом исследования послужили англоязычные лексикографические источники и энциклопедии – Dictionary of Environment and Ecology [7], Dictionary of Ecology [8], Encyclopedia of Global Resources [9].

Для анализа экологической терминологии проведена сплошная выборка простых и составных терминов из перечисленных источников. Объем выборки составил 1200 англоязычных терминов, входящих в состав отраслей «Общая

экология» (201 словарная единица от общего объема терминов), «Инженерная экология» (172 словарные единицы), «Гидроэкология» (164 слова), «Социальная экология» (155 языковых единиц), «Химическая экология» (181 термин), «Экология атмосферы» (173 термина) и «Гарбоэкология» (154 слова). Как показал анализ собранного материала, термины приведенных выше разделов экологии чаще всего вступают в синонимические отношения.

При сопоставлении терминов-синонимов в англоязычной экологической терминологии мы обнаружили лексические единицы с разной формальной структурой – термины-дублиеты. Терминологические единицы подобного рода выражают одинаковый смысл, однако при этом они не передают разные характеристики денотата. Согласно проведенному анализу, доля терминологических дублиетов составила 20,6% (247 слов).

Исследование экологической терминологии способствовало установлению оснований для функционирования в ней терминов-дублиетов: обнаружено, что синонимичные термины формируются вследствие использования словарных единиц, которые присутствуют и в составе общеупотребительной лексики, и в общелитературном лексиконе. Примерами могут послужить следующие термины: («социальная экология») *death rate – mortality rate* ('смертность'); («экология атмосферы») *rainy season – wet season* ('дождливая пора'); («общая экология») *water plant – aquatic plant* ('водное растение'); («гарбоэкология») *disposal site – landfill site* ('полигон для отходов'); («экология атмосферы») *fresh air – crisp air* ('свежий воздух').

Как можно заметить, пополнение терминологического состава англоязычной экологической лексики осуществлялось множеством способов. В этом плане интересно рассмотреть термины-синонимы, образованные посредством изменения формы. В соответствии с подсчетами, доля терминологических синонимов, созданных на основе модификации формальной структуры, составила 11,4% (137 лексем).

Изучение лексикографического материала показало, что наличие формальных вариантов в экологической лексике объясняется тем, что, с одной стороны, в английском языке преобладает тенденция образования терминоединиц за счет сжатия формальной структуры термина или при помощи объединения корней сложных лексем. С другой стороны, существующие расхождения в фонетико-орфографической области Британского и Американского английского языка являются еще одним основанием для функционирования формальных вариантов в корпусе англоязычных терминов-синонимов.

Все лексические единицы анализируемой группы терминов-синонимов были подразделены на две категории:

– термины, созданные посредством сжатия и изменения формы: («общая экология») *ecoregion – ecological region* ('экологический регион'); («общая экология») *biological mass – biomass* ('биологическая масса'); («общая экология») *biological pesticide – biopesticide* ('биологические пестициды'); («общая экология») *cornflour – corn flour* ('кукурузная мука'); («гидроэкология») *dryland – dry land* ('суходол'); («инженерная экология») *fish way – fishway* ('рыбоходное сооружение'); («инженерная экология») *floodgate – flood gate* ('заслон шлюза').

– британские и американские варианты терминов, дифференцирующиеся на фонетико-орфографическом уровне: («общая экология») *aestivation* ('летняя спячка' Br.) – *estivation* ('летняя спячка' US); («общая экология») *oestrogen* ('центр' Br.) – *estrogen* ('эстроген' US); («инженерная экология») *fibre* ('волокна' Br.) – *fiber* ('волокна' US); («химическая экология») *odour* ('запах' Br.) – *odor* ('запах' US); («общая экология») *plough* ('пахотная земля' Br.) – *plow* ('пахотная земля' US); («химическая экология») *vapour* ('пары' Br.) – *vapor* ('пары' US).

Проявления терминологической синонимии исследуемой экологической отрасли знания находят отражение и на словообразовательном уровне. Согласно полученным данным, в англоязычной специальной лексике этот способ образования терминов представлен 227 словарными единицами, что составляет 18,9% от общего числа синонимов. Ниже приведены примеры вариантов, отличающихся друг от друга словообразовательными аффиксами: («гарбоэкология») *ensilage – ensiling* ('хранение в силосной яме'); («экология атмосферы») *ozone-depletion potential – ozone-depleting potential* ('потенциал озонного истощения'); («общая экология») *sib – sibling* ('родственные связи'); («гарбоэкология») *sanitary landfill – sanitary landfilling* ('мусорная свалка'); («гидроэкология») *siltation – silting* ('отложение ила').

Интересно заметить, что в экологической терминологии английского языка большой популярностью пользуются полилексемные термины (22,3% лексем от общего словарного состава – 268 слов), характеризующиеся синтаксической конструкцией словопроизводства. Использование подобных словесных единиц продиктовано структурно-типологической особенностью англоязычного синтаксиса, главной чертой которого считается аналитизм. На примере следующих терминов можно проследить специфику описываемого явления: («химическая экология») *absorption of radiation – radiation absorption* ('поглощение излучения'); («гидроэкология») *deposition of silt – silt deposition* ('отложение наносов');

(«социальная экология») *level of population – population level* (‘численность популяции’); («экология атмосферы») *formation of dust – dust formation* (‘пылеобразование’); («экология атмосферы») *level of pollution – pollution level* (‘уровень загрязнения’); («инженерная экология») *rotation of crops – crops rotation* (‘севооборот’); («гидроэкология») *inventory of water resources – water resources inventory* (‘водный кадастр’).

Обзор научных публикаций, посвященных исследованиям терминологий различных областей знания, констатирует, что частотность употребления той или иной терминологической единицы способствует сокращению ее формы. Терминологическая единица, утрачивая отдельные элементы, превращается в более краткий по формальной структуре и удобный для последующего словопроизводства термин [5, С. 241].

Выполненные в процессе исследования синонимических отношений подсчеты свидетельствуют о том, что в англоязычной специальной лексике 17,5 % языковых единиц (210 слов) принадлежит к категории акронимов. Примерами терминологических акронимов в экологической сфере научного познания служат следующие словарные единицы: («экология атмосферы») *ADI – Acceptable Daily Intake* (‘приемлемая дневная доза’); («химическая экология») *AOM – Active Organic Matter* (‘активное органическое соединение’); («общая экология») *BAP – Biodiversity Action Plan* (‘план действий по сохранению биоразнообразия’); («инженерная экология») *CFP – Common Fisheries Policy* (‘общая рыболовная политика’); («инженерная экология») *DHW – Domestic Hot Water* (‘бытовая горячая вода’); («химическая экология») *EIL – Economic Injury Level* (‘экономический порог вредности’).

Остановимся подробнее на вопросе о взаимодействии аббревиации с другими способами словопроизводства. Как известно, под акронимами обычно понимают разновидность аббревиатурных обозначений, графическая и звуковая оболочка которых выглядит и звучит как новая самостоятельная лексема. В ходе изучения специальных англоязычных источников обнаружены частично сокращенные термины. В качестве иллюстративного материала приведем отдельные примеры, составившие нашу выборку: («социальная экология») *CROW Act – Countryside and Rights of Way Act* (‘Закон о сельской местности и праве проезда’); («химическая экология») *HD polythene – high-density polythene* (‘полиэтилен высокой плотности’); («инженерная экология») *CHP plant – combined heat and power plant*

(‘теплоэлектроцентраль’); («общая экология») *APG II system – angiosperm phylogeny group II system* (‘система Покрытосеменная Филогения группа 2’).

В исследуемой выборке нельзя не выделить эллиптические варианты. Данный вид лексических единиц сформировался посредством исключения неинформативного компонента в полилексемной словарной единице. Таким способом образовано 26 терминов-синонимов, что составляет 2,2%, например: («социальная экология») *optical probe monitoring – optical monitoring* (‘оптический мониторинг’); («социальная экология») *fire fighting machine – fire machine* (‘пожарная машина’); («общая экология») *elfin wood prostrate formation – elfin wood formation* (‘стланик’); («газбозекология») *waste water disposal – waste disposal* (‘сбор сточных вод’); («социальная экология») *countryside stewardship – country stewardship* (‘управление местным сельским населением’); («экология атмосферы») *carbon dioxide tax – carbon tax* (‘налог на выбросы диоксида углерода’).

Заключение

На основании исследования мы пришли к выводу, что функционирование терминов-синонимов в экологической лексике очевидно.

Анализ лексикографической литературы констатирует, что основными причинами зарождения синонимичных терминов в описываемой области научного знания являются:

- различное обозначение одного и того же понятия, продиктованное особенностями национального мышления конкретного этноса;
- дифференциация вариантов полилексемного слова;
- взаимодействие лексических слоев;
- функционирование полного и неполного формального варианта термина;
- функционирование аббревиатурных обозначений для полилексемных вариантов терминов;
- словообразовательные модификации (аффиксация и фонетико-орфографическое оформление термина).

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры наглядно демонстрируют, что в англоязычной научной терминологии в синонимических отношениях участвуют разные с точки зрения структуры термины, среди которых распространены односложные разнокоренные синонимы, двухкомпонентные лексемы, а также синонимы, представленные словосочетаниями или аббревиатурным обозначением.

Материал исследования показывает, что из всех выделенных в ходе анализа типов синонимичных терминов наибольшей продуктивностью отличаются термины-дублиеты и полилексемные термины-синонимы. Распространенность терминологических дублиетов в исследуемой области знания объясняется интегрированным характером экологии как научной дисциплины, включившей в свой состав термины из смежных наук – геологии, географии, физики, химии, биологии, медицины и некоторых других отраслей. К другой причине, провоцирующей формирование синонимии в экологической терминологии, относится модификация структуры полилексемных терминов, отличающихся синтаксической конструкцией словообразования. Употребление синонимичных многокомпонентных терминов связано со структурно-типологической спецификой англоязычного синтаксиса, среди главных особенностей которого ученые выделяют аналитизм.

С учетом научно-технического прогресса, а также современной экологической обстановки, отказаться от употребления терминологических синонимов не представляется возможным. В этой связи в качестве перспектив дальнейшего исследования рассматриваем разработку многоязычного экологического словаря синонимов.

Список литературы

1. Иванова А. С. Особенности терминологии экологического дискурса. 2022. Т. 36, № 5 (254). С. 39-42. EDN FQRHPR.
2. Черепанова А.А. Проблема адекватности перевода английской экологической терминологии на русский язык // Успехи в химии и химической технологии. 2019. Т. 33, № 12 (222). С. 57-59. EDN WMULGX.
3. Гоман С.А. Использование экологической терминологии в английском языке // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2022. № 2 (23). С. 238-241. EDN QBWQEO.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
5. Сигал К. Я. Теория словосочетания и речевая деятельность. Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. : Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. 418 с.

Словари и энциклопедии

6. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва : Просвещение, 1976. 543 с. URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-209-1.htm#zag-1419> (дата обращения: 24.02.2023).
7. Collin P.H. Dictionary of Environment and Ecology. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2004. 265 p.
8. Allaby M. A Dictionary of Ecology. N. Y.: Oxford University Press, 2010. 418 p.
9. Craig W. Allin. Encyclopedia of Global Resources. Iowa: Mt. Vernon, 2010.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

UDC 82-31

Пиняева Е.В. The use of history, gender and magical realism in Jeanette Winterson's "The Passion"

Pinyaeva Elena Vyacheslavna

Senior Lecturer at the English language chair of the Department of language training at the Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
el.pinyaeva@yandex.ru

Использование истории, гендера и магического реализма в романе Джанетт Уинтерсон "Страсть"

Пиняева Елена Вячеславна

старший преподаватель кафедры английского языка отделения языковой подготовки Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Abstract. This paper examines Jeanette Winterson's "The Passion" (1987) as a type of postmodern historiographic metanarrative that creates a dialogical relationship with the real seen in the carnivalesque Bakhtinian way. In mingling voices of the two ex-centrics, J. Winterson's metafiction emphasizes the role of subjective storytelling in historical discourse; its use of the magical interrogates the idea of the "real" while cross-dressing articulates fluid gendered identities. It argues that the novel undermines unitary ways of seeing to establish postmodern multiplicity.

Key words: historical discourse, subjective storytelling, ex-centricity, gender, the magical, Jeanette Winterson

Аннотация. В статье исследуется роман Дж. Уинтерсон "Страсть" (1987) как тип постмодернистского историографического метанарратива, создающего диалогические отношения с реальностью, рассматриваемой в эстетике карнавала Бахтина. Смешивая "голоса" двух нецентрированных "маленьких" персонажей, метароман Дж. Уинтерсон акцентирует роль субъективного повествования в историческом дискурсе; использование в нем категории магического ставит под сомнение идею "реального", тогда как кросс-дрессинг способствует созданию размытых гендерных идентичностей. В статье делается вывод о том, что роман демонстрирует несостоятельность однозначных интерпретаций для утверждения постмодернистской множественности.

Ключевые слова: исторический дискурс, субъективное повествование, нецентрированность, гендер, магическое, Джанетт Уинтерсон

In her typically postmodern novel "The Passion" (1987), J. Winterson uses a form that L. Hutcheon has coined as "historiographic metafiction" [7, p. 5], a self-conscious metanarrative which examines the notorious relationship between history and fiction, and problematizes what is meant by each; it foregrounds the importance of subjective

storytelling in historical discourse and challenges the idea of history as a series of interrelated facts. In accordance with Peter Brooker's view, this type of the novel, "neither repudiates nor simply ironizes the past; nor does it merely reproduce the past as nostalgia", but instead "reveals the past as always ideologically and discursively constructed" [4, p. 229]; moreover, history seen as a system of signification that helps us restore the world of representations from the past, "does not exist in any other form except the text that has always been rewritten" [11, 127], since it is known through its "remains" in the form of archives, "historical" documents and eyewitness testimony. In other words, this mode of the self-conscious fiction prompts questions not only about "the" authentic truth, but rather "whose" truth prevails in the process of making of historical *events* into broadly acknowledged historical *facts*, and as its consequence, J. Winterson's metafiction tends to rather privilege the recognition of multiple truths, "truths that are socially, ideologically, and historically conditioned" [7, p.18]; above all, these truths have always been neglected by officially accepted History.

J. Winterson's telling refrain throughout her novel, "I'm telling you stories. Trust me", should be seen thus in tune with the historiographic metafiction's claim that the writing of history is a highly literary endeavor. In this sense, the given perception of the world history events can be read only as subjective storytelling that contains unconventional contradictory endings. From this point of view, history owing to its hybrid nature seems to become an intertext, while "all historical knowledge is claimed to get the status of second-hand knowledge as it is constructed on debatable hypothetical assumptions and controversial subjective interpretations" [12, p. 140].

The main historical events of the epoch depicted in J. Winterson's metafiction – the Napoleonic wars of 1804-1815 and the inglorious defeat of the French army during the Russian campaign – are given deliberately from the two marginal protagonists' perspective which questions the reliability of their narrations and demonstrates their ex-centricity, their deviation from conventional social and cultural norms. J. Winterson's historiographic metafiction can be said to include two intertwining mini-stories that "belong to the domain of the suppressed, and highlight the postmodernism's claim that the marginal, the non-totalizing, the local are given reassertion, as the centre does no longer exist" [11, p. 129]. Rather than show Napoleon's advance across Europe from his own point of view, J. Winterson's metafiction narrates the stories of the little people from ex-centric groups defined by their differences in social class and gender: the male soldier Henri who serves in the unheroic role of neck-wringer of Napoleon's chickens and the female webbed-feet Villanelle, a denizen of Venice caught up as the brothel whore in the imperial project; their

mini-stories supplement historical accounts while reviving the “dark areas” of history; moreover, they relocate the historical discourse due to their “unreliable” descriptions of the Venetian uncanny, and give a new status to the peripheral with emphasis being laid on the neglected ex-centric. In other words, these apocryphal histories/stories collapse the distinctions between past and present, the real and the magical, fantasy and fact, and bring to mind Michel Foucault’s idea of “counter-memory”, which Brenda K. Marshall explains as follows: “History, then, in Foucault’s terms, [becomes] ‘counter-memory’: the process of reading history against its grain, of taking an active role in the interpretation of history rather than a passive, viewing role, Counter memory *intervenes* in history rather than *chronicles* it [9, p. 150].

J. Winterson’s metafiction does not provide any scrupulous description of notable historical events that constitute the conventional background of the epoch, nor does it describe any historical scenes that can be included into an officially recorded history, but instead its main emphasis is on “untold histories” of the marginalized ex-centrics, their romantic love and failed attempts to reach their personal integrity. Significantly, the “passion” of the title can be accepted as a “polysemic sign” [1, p. 61], symbolising simultaneously Henri’s hero-worship of Napoleon and later his unconventional love for the webbed-feet Villanelle; Villanelle’s romantic passion for the mysterious Queen of Spades who in her turn suffers from the unrequited love for her husband; Napoleon’s trivial passion for chicken and large horses; Joséphine’s uncontrollable passion for melons; and finally, the sublime passion of Christ. As a consequence, the dislocated narratives that form the context of quasi-historical representations lose their original references, and are given unexpected meaning, while the real historical figures being textualized are exposed as “fabricated”; the latter’s existence alters the self-conscious narrative that combines fact with fiction, claiming to restore what has been overlooked, lost and suppressed.

In using the genre of autobiography, each character-narrator recounts their own life story: Henri keeps his diary throughout the war campaign and writes his memoir in the madhouse retrospectively while Villanelle tells her life story to Henri, his friend Patrick and the reader. Although they present the same historical events in their stories – Napoleonic wars, the occupation of Venice, the march on Moscow – their narratives form parallel perspectives and mirror each other while emphasizing their love affairs and telling the story of Henri’s loss of heart for war and Napoleon and fighting against Villanelle’s literal loss of heart to the mysterious Queen of Spades. Their perspectives can be regarded as conventionally gendered with Henri narrating a masculine and thus rationalistic war discourse and Villanelle presenting a feminine and magical love story.

At the same time, J. Winterson playfully inverts the relation between gender and sex in her novel: Villanelle, who has webbed feet, can be seen as “phallic” while gentle and passive Henri is feminized in his attitudes towards Napoleon and Villanelle; moreover, Henri leaves the war without having killed anyone, but then in Venice he murders the cook, Villanelle’s husband, an act which “hurt[s] his mind” [14, p. 147] and explains his self-exile in the madhouse at the end of his relationship with Villanelle who has a daughter by him but refuses to marry him. Their love discourses thus can be interpreted rather as “queered” in different ways if to take into consideration their attitude towards traditional heterosexuality.

Significantly, J. Winterson’s novel includes several refrains: Henri’s phrase “I’m telling you stories. Trust me” [14, pp. 5, 13, 40] which refers to the theme of subjective storytelling and its role in history rewriting as well as to the problem of authorial power and reliability, while Villanelle’s two refrains – “In between fear and sex, passion is” [14, pp. 55, 60, 62] and “You play, you win, you play, you lose. You play” [14, pp. 43, 66] – point out to the theme of love as risk represented by the motif of gambling. As it follows from the text, romantic love is related to the fear of loss: “We gamble with the hope of winning, but it’s the thought of what we might lose that excites us” [14, p. 89]. Unlike Villanelle, Henri tells stories in order to defend himself against the outcome of dangerous romantic love which brings him a sense of loss. The loss of the beloved – his mother, the Emperor Napoleon and Villanelle – encourages him to narrate and may explain his willingness to stay in the tower at the end of the novel. As J. Gustar notes, “Instead of making his escape, he tells the story of his life in order to preserve his love. Henri fails to overcome his loss – to do the work of mourning – and passes into the terrain of melancholia” [6, p. 61].

Like J. Winterson’s earlier fictions, the novel intricately mixes a realist narrative with episodes of magical intrusion. The magical in this novel exists in two main forms: magical objects and magical features. The former include the magical icicle with a thread of gold which the dying soldier Domino gives as his present to Henri. Months later, it has been discovered still in its un-melted form. Some personages, like Henri’s friend Patrick, possess magical features: his telescoping eye can apparently see young parishioners committing adultery two miles away; besides this, he tells stories about Ireland where elves, ghosts and goblins tend to live under the hills.

The novel’s most significant magical feature, however, belongs to the “phallic” webbed feet casino croupier Villanelle who has an ability to miraculously walk on water; as a consequence of the pregnancy ritual practiced by the wives of Venetian boatmen that goes wrong, she is born with the webbed feet that are considered as the mark of a male: “[t]here never was a girl whose feet were webbed in the entire history of the boatmen. My mother in

her swoon had visions of rosemary and blamed herself for her carelessness” [14, p. 51]. Her webbed feet symbolize her hybridity, a break with conventional gendered identities and a mark of her difference. Like Virginia Woolf’s hero(ine) Orlando, she possesses both male and female attributes, and has love affairs both with women and men; and even her name is not literal either, since it refers to a poetic form, which she wears “as a disguise” [14, p. 54], as she says. When Villanelle literally loses her heart, it keeps on beating in the jar in the Queen of Spades’ palace in Venice: “The jar was throbbing. I did not dare to unstopper it. I did not dare to check this valuable, fabulous thing and I carried it, still in the shift, down the last two floors and out into empty night” [14, p. 120], as Henri recollects in his memoirs. Moreover, after killing the cook, who sold Villanelle as a prostitute to the French army, Henri observes Villanelle walking on water while dragging their boats across the canal. As S. Onega claims, J. Winterson “redefines reality as complex and many-sided, and situates it in the realm of the fantastic, that is to say, in that frontier territory of epistemological uncertainty where the real and the unreal coexist” [10, p. 147]. As a result, these magical objects and magical features like Villanelle’s freakish body and her miraculous ability to live without a heart interrogate the nature of the “real” and undermine the authenticity of historical discourse which seems to be narratively re-assessed and re-evaluated.

Even Henri’s narrative which contains inverted hauntings and hostilities of the real world perplex the confines of distinction by including grotesque-like fantasies into his alternative historical discourse, which cause the latter’s further fragmentation: “I’ve seen soldiers, mad with hunger and cold, chop off their own arms and cook them. How long could you go on chopping? Both arms. Both legs. Ears. Slices from the trunk. You could chop yourself down to the very end and leave the heart to beat in its ransacked palace” [14, p. 82]. Since Henri’s narrative includes fantastic elements, it can be aligned with subjective storytelling that belongs to the voice of the suppressed. In accordance with R. Jackson’s view, “The fantastic traces the unsaid and the unseen of culture, that which has been silenced, made invisible, covered over and made “absent” [8, p. 4].

It is not only the use of the magical that disrupts historical discourse in the novel; it is also the employment of parody that significantly helps undermine the officially accepted versions of history by providing the mainstream record with half-forgotten narratives that form the “dark areas” of alternative history. By leading to the tension between the officially documented and the apocryphal versions of history, parody enacts both transformation and renewal with the aim to promote marginalized ways in interpreting history; it blends creation with critical responses to substitute, and, in so doing, it dislocates both the given text and the earlier generated narrations. As a result, marginalized ex-centric aspects tend

to form the self-conscious narrative while filling out the officially recognized history. The fragmented remains included into historical figures' apocryphal lives are given unexpected meaning; since they lose connections with their initial referents, they start to be accepted as "invented". Thus, Napoleon is given a comic portrayal of an ogre in a fairy-tale due to his banal passion for chicken: "He wishes his whole face were mouth to cram a whole bird. In the morning I'll be lucky to find the wishbone" [14, p. 4]. In the similar mode, the story of Napoleon's wife Josephine, who has a passion for melons, embraces unrecognizable details that reveal her different identity and occupies the unknown gaps in the accounts of the mainstream history.

The novel depicts Venice as a carnival space which recalls the Bakhtinian idea of masquerade. As Mikhail Bakhtin claims: "The mask is related to transition, metamorphosis, the violation of natural boundaries, to mockery and familiar nicknames. It contains the playful element of life" [3, p. 40]. Venice like Villanelle represents the playfulness of excess, both in literal and metaphorical terms: an excess of its water and sexuality. It is described as a "mercurial city" [14, p. 49], "a city of mazes" [14, p. 49] and finally, as "a city of disguises" [14, p. 56]; it is a territory of permanent transformation that confuses rational minds. In this changing world of shifting canals and casinos, which is "uncertain and temporary" [14, p. 57] Villanelle feels most comfortable at night: "In this enchanted city all things seem possible. Time stops. Hearts beat. The laws of the real world are suspended. God sits in the rafters and makes fun of the Devil and the Devil pokes Our Lord with his tail" [14, p. 76]. As J. Seaboyer argues, Venice "recalls the ancient myth of the labyrinth, a fluid space of transformation and danger that has traditionally stood for the psychic inward journey, and increasingly for textuality itself" [13, p. 484].

Indeed, in the tales of Henri and Villanelle, the novel depicts moving versions of the archetypal quests while focusing on the representation of Venice as a central topos of beauty and decay linked to the drive for death. Its waterways represent the impossibility of any mapping and offer the chance of living lives in imaginative quests and assuming oppositional gendered identities; moreover, its water plays a figurative role in the understanding of both Venice and its dwellers as embodiments of a dangerous female fluidity. As Villanelle remarks while presenting her view of her native city: "The city I come from is a changeable city. It is not always the same size. Streets appear and disappear overnight, new waterways force themselves over dry land. There are days when you cannot walk from one end to the other, so far is the journey, and there are days when a stroll will take you round your kingdom like a tin-pot prince" [14, p. 97]. The link between the city and Villanelle is obvious, it anticipates the latter's sexuality, her androgyny and her passion for cross-dressing and gambling. The

parallel is evident due to the use of the same nouns that refer to Venice and to Villanelle – the disguise: “You’re a Venetian, but you wear your name as a disguise” [14, p. 54]. Later, in the novel, Villanelle uses the same word to identify Venice: “This is the city of disguise. Whatever you are one day will not constrain you on the next” [14, p. 150]. Here it is cross-dressing through which Villanelle explores the subtle line between the construction of her sex identity and the performativity of gender.

In the treatment of Villanelle’s sexuality, J. Winterson adopts a conventional model which became influential in the early 1990s when J. Butler offered her idea of gender as a drag: “Drag constitutes the way in which genders are appropriated, theatricalized, worn and done; it implies that all gendering is a kind of impersonation and approximation. If this is true, it seems, there is no original or primary gender that drag imitates, but *gender is a kind of imitation for which there is no original*; in fact, it is a kind of imitation that produces the very notion of the original as an effect and consequence of the imitation itself” [5, p. 127]. Examples of drag and cross-dressing foreground the artifice of Venice seen as a carnival city and the performative nature of gender. As Villanelle remarks: “I dressed as a boy because that’s what the visitors like to see. It was part of a game, trying to decide which sex was hidden behind tight breeches and extravagant face-paste” [14, p. 54]. As M. Aròstegui claims, Villanelle is the “masquerader *par excellence*”, who is “not on the side of identity but on that of performance” [2, p. 272]. As it follows from the text, J. Winterson uses masquerade to disrupt and re-signify gendered identities and to undermine the idea of natural sexual difference. At one point, Villanelle astonishingly asks: “And what was myself? Was this breeches and boots any less real than my garters?” [14, p. 66]. Significantly, Villanelle’s subversive potential means that she can change her gendered identities rather than being fixed and trapped by them.

The novel’s feminism, at the same time, resides not only in Villanelle’s feminine narrative with its struggle against patriarchy and the depiction of lesbian love in the city of carnival Venice, but also in Henri’s male critique of militarism and his horror of male violence against women being exploited in war. While Henri’s youthful desire is directed towards Napoleon, his gendered identification tends to be with the women in his life: they include his pious mother who wanted to be a nun, the French army prostitutes – *vivandières*, whose side he takes against their violent clients; and, certainly, Villanelle, whom he declares to love despite her rejection of him. Moreover, Henri’s narrative gives an insight into male admiration of the bonds between women: “She would never do that for me” [14, p.15]; he bemoans when he observes one prostitute who comforts another: “She held her companion for a moment and kissed her swiftly on the forehead” [14, p. 15], and he envies women’s

courage: "They go on", he claims. "Whatever we do or undo, they go on" [14, p. 15]. Henri seems to rewrite the traditional gender opposition saying a seemingly fundamentalist statement: "Soldiers and women. That's how the world is. Any other role is temporary. Any other role is a gesture" [14, p. 45]. While this lamenting view appears to represent the world of Winterson's novel, in fact its heroes repeatedly prove otherwise by challenging rigid gendered identities. Just as Henri's feminine-like sensitivity presents him unsuitable for soldiering activities, Villanelle's ambiguous sexuality and her choice of her career put her beyond the pale of traditional femininity. If in this view, by textualising individual and minor perspectives that undermine unitary ways of seeing and interpreting, J. Winterson challenges conventional monosexuality and reveals the performative nature of gender.

List of references

1. Andermahr S. Jeanette Winterson. London: Palgrave Macmillan, 2009.
2. Aròstegui M. Del Mar Ascensio. "Subversion of sexual identity in Jeanette Winterson's "The Passion", in C. Cornut-Gentile D'Arcy and J. Àngel Garcia Landa (eds.), Postmodern Studies 16: Gender, Ideology, Essays on Theory, Fiction and Film. Amsterdam: Rodopi, 1996, pp. 265-279.
3. Bakhtin M. M. Rabelais and His World. Indiana: Indiana University Press, 1984.
4. Brooker P. (ed.) Modernism/Postmodernism. London: Longman, 1992.
5. Butler J. "Imitation and gender insubordination", in S. Salih (ed.) The Judith Butler Reader. Oxford: Blackwell, 2004.
6. Gustar J. "Language and the limits of desire", in S. Andermahr (ed.) Jeanette Winterson: A Contemporary Critical Guide. London: Continuum, 2007.
7. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. - New York and London: Routledge, 1988.
8. Jackson R. Fantasy. The Literature of Subversion. - London: Routledge, 1981.
9. Marshall B. K. Teaching the Postmodern: Fictions and Theory. - London: Routledge, 1992.
10. Onega S. "I'm telling you stories: trust me": History/Story-telling in Oranges are not the only fruit" in S. Onega (ed.) Telling Histories: Narrativising History, Historicizing Literature. Amsterdam and Atlanta: Rodopi, 1995.
11. Pinyaeva E.V. "Discourses of gender and history in Jeanette Winterson's "The Passion" // Филологический аспект. – 2018. - №5 (37). – С. 127-136.
12. Pinyaeva E. V. "Postmodern rewriting of archetypal quests and history in Jeanette Winterson's "The Passion" // Филологический аспект. – 2019. - №7 (51). – С. 139-153.
13. Seaboyer J. "Second death in Venice: romanticism and the compulsion to repeat in Jeanette Winterson's The Passion". Contemporary Literature 38 (3), 1997, pp. 483-509.
14. Winterson J. The Passion. London: Penguin Books, 1987.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 82"41

Бузина Е.И. Интерпретация информативных сот в архитектонике текстового пространства

Бузина Евгения Игоревна

Доцент, к.ф.н., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
guzhvenok@mail.ru

Interpretation of informative cells in the architectonics of the text space

Buzina Evgenia Igorevna

Lecturer, Ph.D., Belgorod National Research University, Belgorod

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению моделирования художественного текста. Автором предложена и сформулирована модель информативных сот. Представлена авторская интерпретация понятия «информативная сота», дополненная классификацией моделей информативных сот для дальнейшего использования при построении темпоральных, топонимических и других моделей в архитектонике художественного текста. Определена специфика построения темпоральной монолинейной одновекторной модели квадратных информативных сот в романе «Jane Eyre» Ш. Бронте. Выявлено, что для дальнейшей интерпретации информативного потенциала художественного текста модель информативных сот может представлять один из потенциально важных подходов к формированию комплексной когнитивной модели художественного текста.

Ключевые слова. Информативная сота, моделирование художественного текста, темпоральная модель текста, моделирование концептосферы, архитектоника художественного текста.

Abstract. This article is devoted to the study of the modeling of a literary text. The author has proposed and formulated a model of informative cells. The author's interpretation of the term of «an informative cells» is also proposed, as well as the classification of models of informative cells for further use in the construction of temporal, toponymic and the other models in the architectonics of a literary text. An example of constructing a temporal monolinear one-vector model of square informative cells is given on the example of the novel «Jane Eyre» by Ch. Bronte. It is revealed that for the further realization of the informative potential of a literary text, the model of informative cells can represent one of the potentially important approaches to the formation of a complex cognitive model of a literary text.

Keywords. Informative cells, literary text modeling, temporal text model, conceptual sphere modeling, architectonics of a literary text.

Изучая текстовые когнитивные модели, необходимо обратить внимание на то, что художественное пространство-время может реализовываться и интерпретироваться даже в более многогранной структуре, чем в реальности, поскольку, как отмечает И. А. Даниленко, «текст, как сюжетно-тематическая рамка, формируется под влиянием интенции и идиостиля автора» [1], поэтому текст является огромным пространством для моделирования. По мнению, В.И. Карасик «отражение в сознании представлено в виде образов» [2], которыми мы можем пользоваться в художественном пространстве текста, так как всегда существует прочная связь между событиями, которые возможно сконструировать как в виде модели, так и «схемы» [3].

Художественное пространство-время моделируется посредством интерпретации. Как подчеркивает Е.А. Огнева, «интерпретативное поле представляет собой всю совокупность информации, которую могут высказать читатели после прочтения произведения» [4]. Важно отметить, что научные разработки зарубежных ученых Р. Джакендофа [5] о ментальных структурах и моделях, также как и исследования Дж. Лаккофа [6] построили фундамент для реализации текстового моделирования, в то время как модель отечественной ученой М.Н. Левченко о соотношении объективного и грамматического времени представлена достаточно развернутой и многогранной [7].

Очевидно, что текстовое пространство-время может быть представлено в виде различных моделей. Однако нам видится, что при комплексном рассмотрении архитектоники художественного текста важно сохранять связь между исследуемыми явлениями, отражающую «интенцию писателя» [8].

Отметим, что такой термин как «*событие*» в пространственно-временном ракурсе интерпретируется как единичный эпизод, который происходит в произвольной точке пространства. Однако, по нашему мнению, «событие» не может быть локализовано единичной «точкой» в пространстве текста, так как может включать в себя многогранность цели и задач, поставленных исследователем. В связи с этим, целесообразно сформировать комплексную модель, которая сможет отразить многогранность информативного «события» в архитектонике художественного текста. За основу была предложена конструкция сот, представленная нами как модель информативных сот и являющаяся частью «геометрического моделирования» [9], что в дальнейшем позволяет «построить концептуальную модель» [10].

В авторской интерпретации «*информативная сота* – это базовый элемент художественного текста, вербализованный в виде многогранной структурной ячейки,

которая содержит в себе информативный код исследуемого события, имеющего тесную связь со всеми ячейками текстового пространства произведения» [11].

Основной особенностью информативных сот является то, что они содержат причинно-следственную связь и их внутренняя структура скрепляется единой сюжетной линией. Каждая грань соты репрезентирует уникальную характеристику, выражающую исследуемую часть информации. Очевидно, что чем больше интерпретативных граней, тем объемнее будет геометрическая модель информативных сот, и тем многограннее сам процесс моделирования.

В науке существует трактовка бесконечного множества сот, но использовать и классифицировать в текстовом пространстве их можно только частично.

В авторской концепции моделирования текстовых информативных сот осуществляется их выстраивание в зависимости от геометрической формы: в одномерном или двухмерном текстовом пространстве информативные соты могут отражаться в форме:

- треугольника;
- квадрата;
- призмы (рис. 1) и др.

Для примера представим призматические информативные соты, как модель отражения событий в пространстве художественного текста на рисунке 1.

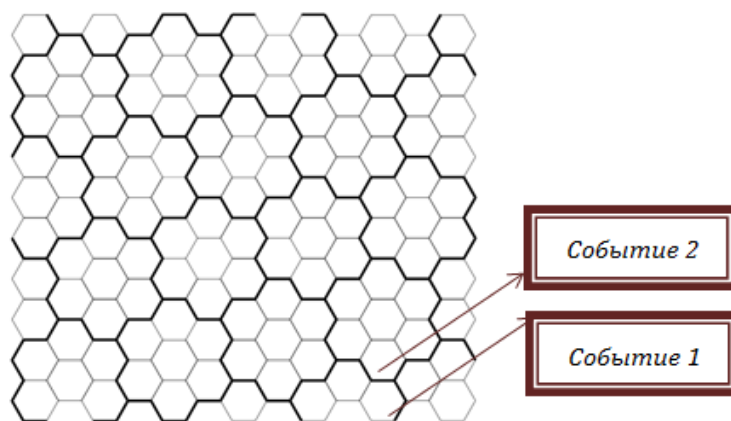

Рисунок 1. Модель информативных призматических сот текстового пространства

Для того, чтобы понять, как выстраивается модель информативных сот в текстовом пространстве рассмотрим создание такой модели на примере британского романа XIX в. «Jane Eyre» Ш. Бронте [12].

Это художественное произведение состоит из шести **основных когнитивно-сюжетных периодов**:

1. Детство в Гейтсхед.
2. Отрочество в Ловудской школе.
3. Юность в Ловудской школе.
4. Жизнь и работа в поместье Торнфилд.
5. Жизнь в Мур-Хаусе и работа в местной школе.
6. Воссоединение с Мистером Родчестером. Замок Фердине.

В тексте произведения «Jane Eyre» Ш. Бронте было обнаружено 3017 хронем следующих четырех типов:

- *Обобщающие*, в количестве 1703 хронемы, например: «always», «last week», «yesterday», «usually», «of the future», «never» и др.

- *Предельные*, в количестве 215 хронемы, например: «before lunchtime», «by this time», «till this hour», «she was indeed already come», «at the end of that time» и др.

- *Пролонгированные*, в количестве 412 хронемы, например: «from the day», «since the day», «for nearly an hour», «in the course of the day», «for several subsequent days» и др.

- *Точечные*, в количестве 687 хронемы, например: «now», «momentarily», «on Thursday afternoon, in time for dinner at six», «at this moment», «at the same time» и др. [12].

Далее выявлено, что роман может быть вербализован посредством *монолинейной одновекторной темпорально-сюжетной модели*, на это указывает то, что все когнитивно-сюжетные периоды будут полностью следовать за событиями, связанными с главной героиней романа Джейн Эйр, и персонажами, вовлечёнными в сюжет, происходящий с ней. Также в произведении можно наблюдать тот факт, что темпоральный вектор движется в едином сюжетно-временном потоке, переходя от событий прошлого в настоящее.

Исходя из полученных данных, можем сконструировать темпоральную модель информативных сот – рисунок 2, учитывая описанные выше шесть основных когнитивных сюжетных периодов, которые определяют события в создаваемой модели, на рисунки они обозначены маркерами «С 1», «С 2», «С 3», «С 4», «С 5», «С 6». Также приняты следующие условные обозначения хронем: **О** – обобщающие хронемы, **Пд** – предельные хронемы, **Пл** – пролонгированные хронемы и **Т** – точечные хронемы. Так как в художественном тексте были выявлены четыре типа хронем, то информативная сота приняла форму квадрата.

Форму всей модели информативных сот будет определять тип темпорально-сюжетной модели произведения «Jane Eyre» Ш. Бронте – это *монолинейная односекторная темпорально-сюжетная модель*. Вектор указывает, что события происходят последовательно, от прошлого двигаясь в настоящее.

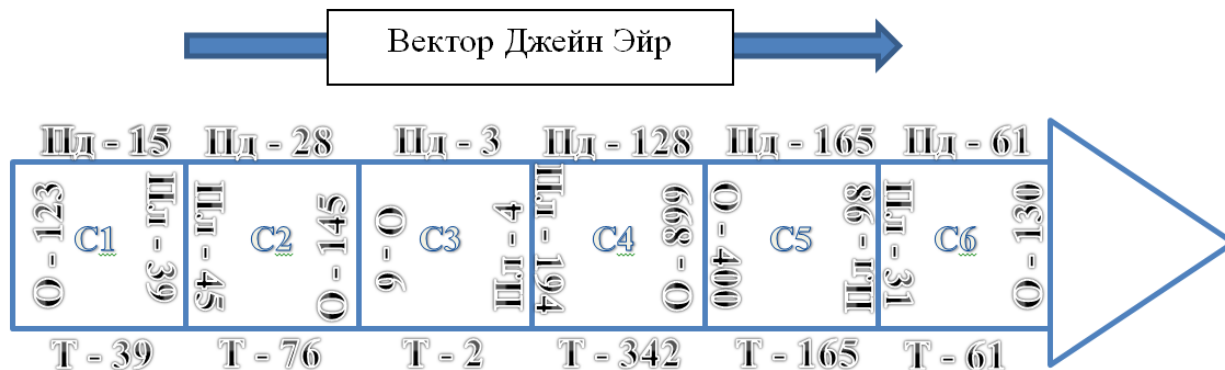

Рисунок 2. Темпоральная монолинейная одновекторная модель квадратных информативных сот в романе «Jane Eyre» Ш. Бронте

В представленной модели можно увидеть, что обозначения сторон информативных сот включают тип хронемы и частотность определенного типа хронем в конкретном когнитивно-сюжетном периоде, обозначенном в каждой соте как событие «С1», «С2» и тд. Например, в периоде С 1 выявлено 123 обобщающих хронемы, что обозначено в модели как «О – 123», 39 пролонгированных хронем, обозначенные как «Пл – 39», 28 предельных хронем, маркированных как «Пд – 28», 39 точечных хронем, обозначенных как «Т – 39». Также все события взаимосвязаны с главной героиней романа и происходят совместно в ее спектре, в связи с этим совокупность квадратных информативных сот приняла форму основной темпоральной модели произведения, то есть монолинейной одновекторной темпорально-сюжетной модели.

Модели информативных сот представляют собой огромный интерпретативный потенциал для дальнейшего моделирования призрачно-времени в концептосфере художественного произведения. Модель структурирования многогранных ячеек показывает, что они могут передавать информацию, хранить код события, а также распространяются на всю структуру произведения, и в тоже время, в локализованном виде способны хранить и передавать закодированную информацию.

Таким образом, применение моделей информативных сот расширяет интерпретативные потенциал исследователя в изучении, как локальных тематических сегментов текстового мира, так и представляет собой один из глобально важных подходов к созданию комплексной когнитивной модели художественного текста. В статье представлены две модели, одна из которых является репрезентацией построения модели информативных сот темпорального аспекта произведения «Jane Eyre» Ш. Бронте.

Список литературы

1. Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
2. Карасик В. И. Семиотические векторы моделирования концептов // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы : материалы Международной научной конференции, Майкоп, 01-02 ноября 2019 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2019. С. 15-22.
3. Clausner T. Domains and Image Schemas / T. Clausner, W. Croft // Cognitive linguistics. 1999. Vol. 10-1. Pp. 1-31.
4. Огнева Е. А. Моделирование текстовых миров как динамичных форматов знания / Е. А. Огнева, Н. Л. Гусакова, А. В. Марков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 930-935.
5. Jackendoff R. Patterns in the Mind: Language and Human New York: Basic Books, 1994. 246 p.
6. Lakoff G. Categories and cognitive models // Berkeley cognitive science report. Berkeley: Institute for Human Learning (U. of California), 1984. № 2. Pp. 275–304.
7. Левченко М. Н. Темпорально-локальная архитектура художественных текстов различных жанров: Автореф. дис... д-ра. филол. наук по специальности 10.02.19 – теория языка / М. Н. Левченко. Москва: Московский государственный областной ун-т. 2003. 43 с.
8. Levinson J. Intention and Interpretation // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Reading. An Anthology. Oxford: Blackwell, 2007. Pp. 98-106.
9. Петухин А. В. Разработка подсистем геометрического моделирования: уч. пособие / А. В. Петухин // Мин-во образования и науки РФ, Волгогр. гос. ун-т. Волгоград: ВолгГТУ, 2018. 77 с.
10. Бузина Е. И. Специфика частотности хронем в произведении «Jane Eyre» Ш. Бронте // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 30 ноября 2017. – г. Казань: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – С. 11-15.
11. Бузина Е. И. Специфика темпоральной модели "Me before you" в концептосфере одноимённого романа Дж. Мойес / Е. И. Бузина // Гуманитарные исследования. 2019. № 1(69). С. 56-61.
12. Bronte, Ch. Jane Eyre. London: Collins Classics, 2010. 490 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'27:82-36=131.1=161.1

Маслов Г.Н. Русский и итальянский анекдот в пандемию коронавируса: антикризисный юмор на пути к новому благополучию

Маслов Глеб Николаевич

канд. филос. наук, Dott. Ric., доцент, независимый исследователь, РФ, г. Москва
glib.maslov@gmail.com

Russian and Italian anecdote in the coronavirus pandemic: anti-crisis humor on the way to a new well-being

Maslov Gleb Nikolaevich

Cand. Sci. (Philosophy), Dott. Ric., Docent, independent researcher, Moscow, Russia

Аннотация. В работе анализируются сходства и различия национального менталитета русских и итальянцев на основе сопоставления содержания анекдотов периода пандемии. Применяются описательный, герменевтический и компаративистский методы. Выявлено несовпадение национально-детерминированного понимания благополучия: итальянские анекдоты чаще эксплуатируют тему доковидной «нормальности», русские — тему минимизации потребностей в кризис. Объектом черного юмора в обеих странах выбираются представители чуждых социальных групп. Концепт природы в русских и итальянских анекдотах используется противоречиво: и как эталон устойчивости и чистоты, и как нечто враждебное социальной жизни человека. Констатируется невысокий словотворческий потенциал анекдотов рассматриваемого периода.

Ключевые слова: коронавирус, анекдот, благополучие, черный юмор, неологизмы, природа и человек, Россия и Италия.

Abstract. The paper analyzes the similarities and differences in the national mentality of Russians and Italians based on a comparison of the content of anecdotes during the pandemic. Descriptive, hermeneutical and comparative methods are used. A discrepancy between the nationally determined understanding of well-being was revealed: Italian jokes more often exploit the theme of pre-Covid "normality", Russian ones - the theme of minimizing needs in a crisis. Representatives of alien social groups are chosen as the object of black humor in both countries. The concept of nature in Russian and Italian jokes is used inconsistently: both as a standard of stability and purity, and as something hostile to human social life. The low word-creative potential of the anecdotes of the period under review is stated.

Keywords: coronavirus, anecdote, well-being, black humor, neologisms, nature and man, Russia and Italy.

Пандемия COVID-19 стала не только испытанием для устойчивости национальных систем охраны здоровья и проверкой на прочность и эффективность международных соглашений в этой области, но отразилась в целом на экономике, укладе повседневной жизни, образовании, трудовых и семейных отношениях.

Носители национальных языков чутко отреагировали на этот вызов, ответив всплеском неологизмов и текстов, значительная часть которых, парадоксальным образом, вопреки серьёзности событий, описывает социальные явления, связанные с эпидемией в ироничном или юмористическом ключе. Предметом нашего исследования мы выбрали сопоставление мироощущения русских и итальянцев на основе анализа такого особого жанра, как анекдот. Жанр этот уже привлекал пристальное внимание исследователей [1; 4; 12]. Кроме того, отдельные статьи были специально посвящены анекдотам и шуткам, связанным с пандемией, в русском, английском, немецком и французском языках, иногда на сопоставительной основе [3; 7; 9; 11]. Однако импульсом для настоящего исследования послужили статистические данные в работе В.В. Дементьева [2]. В приведённой им таблице частотности слов в русских анекдотах о ковиде, слова «Италия» и «итальянский» идут только на одну ступеньку ниже слов «русский» и на много позиций опережают номинацию «Европа» и «европейский» [2, с. 784]. Во всяком случае это отражает факт особого интереса, который русские испытывают к Италии и, более того, Италия для русских и есть Европа по преимуществу. Но следует ли из этого вывод о близости менталитетов двух стран? На наш взгляд, именно в анализе жанра анекдота как особого вида народного творчества мы можем найти некоторые идеи к решению этой проблемы.

Непосредственным материалом для исследования стали анекдоты, собранные и размещённые на портале «Анекдот из России» на русском языке [15] и на портале «Barzellette sul COVID» на итальянском языке [17]. Анализу подвергались только вербализованные феномены культуры, креолизованные тексты не входили в круг нашего рассмотрения. Основными методами исследования были описательный, герменевтический и компаративистский.

Существует ряд идей о роли анекдота в период распространения коронавируса. Большинство исследователей согласны с тем, что анекдот — это инструмент так называемой копинг-стратегии (приема избавления от стресса), потому что юмор способен производить подъём эмоции и ослаблять психологическое напряжение [10, с. 1]. Проблема стресса важна для всех слоёв общества, в частности, для студентов в условиях изоляции и дистанционного обучения, которые просто теряют навыки личного общения (а анекдот всегда был проверенным средством поддержания разговора), при этом состояние 20% студентов соответствует диагностическим критериям психического расстройства) [8, с. 69-70]. В.В. Катермина и С.Х. Липириди, основываясь на анализе лексики (но не текстов) пандемии, считают,

что в ней отражены три доминирующие линии взаимодействия массового сознания с вызовом: стратегия сдерживания, отрицания и адаптации пандемии [6, с.13]. Продолжая фокусироваться на эмоциональном заряде анекдотов, не можем пройти мимо дискуссий о черном юморе в период пандемии. В.И. Карасик констатирует его значительное присутствие в публичном пространстве [5, с. 31]. Некоторые исследователи склонны весь ковид-юмор рассматривать как черный, при этом способность воспринимать его смешным или отталкивающим зависит от многих факторов, в том числе - от географического удаления от территорий с наиболее трагическими последствиями пандемии [13, р. 2, 12].

Попытаемся выделить некоторые тематические особенности русских и итальянских анекдотов. Первое, что замечаешь — это национальная специфика отношение к пониманию благополучия: для итальянцев характерно выраженное в анекдотах ироничное представление допандемийного времени как нормы, пусть и наполненной условностями, ритуалами и привычками общества потребления, но столь удобной (все тексты даются в нашем переводе с итальянского):

Теперь нам предстоит испытать настоящую травму: закрыты парикмахерские, салоны красоты и бары. Женщины — как они есть на самом деле, а мужчины - трезвы. (1)

Все жалуются, что из-за закрытия баров 800 человек остались без работы, и никто не беспокоится о нас, восьми миллионах, что испытывают жажду. (2)

Русские анекдоты скорее представляют благополучие как наличие минимально приемлемых благ в условиях кризиса:

Мужчина с запасом гречки и макарон, познакомится с женщиной, с запасом сахара и туалетной бумаги. (3)

2019 год: Когда же мы будем хорошо жить?

2020 год: Как же мы хорошо жили! (4)

Шел 4-й месяц карантина. Работать за еду было ещё не престижно, но уже не стыдно. (5)

Переориентация российского населения на кризисное потребление зафиксирована и в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» в таких словах, как «гречкомания» и «гречковирус», связанных с ажиотажным спросом на продукты первой необходимости [16, с. 43]. Попутно отметим, что в анекдотах неологизмы используются очень редко, за исключением таких, как ковид, коронавирус и производных. В огромном массиве русских анекдотов на тему пандемии мы встретили только номинации «заразнорабочий», «идиотовирус», «увольнёнка», «ковидло»,

«девакцинация», «антипрививочник», лишь две из которых присутствуют в словаре [16, с. 25 104]. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что самый полный словарь не успевает отследить появление всех окказионализмов периода пандемии, хотя они и составляют бо́льшую часть его объема.

Нам не удалось обнаружить итальянских анекдотов о ковиде, где бы присутствовала русская тема, но, как уже было отмечено, Италия часто упоминается в русских анекдотах коронавирусной эпохи, при этом обыгрываются устоявшиеся представления об Италии как месте отдыха богатых русских:

Во властных коридорах России паника, срывается дачный сезон, надо срочно, до майских праздников, спасти от коронавируса Италию. (6)

Говоря о черном юморе, и в Италии, и России объектами подобного рода шуток чаще становятся группы, которые маркируются как «другие», не относящиеся к нам, например — политики. Вот итальянский анекдот подобного рода:

Политики имеют право вакцинироваться первыми! Если они спасутся — вакцина работает. Если же умрут — спасена страна. (7)

А вот русский:

В Думе начали проводить по три дезинфекции в день. Но паразиты по-прежнему приходят на заседания. (8)

Особенностью русских анекдотов является обилие религиозного подтекста, при этом в большинстве случаев в фокусе находится столкновение разных систем рациональности, религиозной и научной (медицинской), во взглядах на избавление от болезни

Китайцы - темнота. Вместо того, чтобы провести молебен, они больницы за 10 дней строят. (9)

Израильский министр здравоохранения Яаков Лицман, назвавший коронавирус божьей карой за гомосексуализм, вскоре сам заболел коронавирусом. (10)

Определенный всплеск интереса к экологической теме в обществе в период пандемии, вновь поставивший вопрос о соотношении природного и культурного, трихотомии природного, человеческого и технологического, уже явился предметом философского осмысления. Так, Рикардо Эспиноза Лолас в своей работе не приемлет исключительно позитивную характеристику природы, когда «все неопределённое, дефектное, опасное, случайное, ненадежное, незавершенное или просто ошибочное приписывается человеку» [14, р. 34]. С этим нельзя не согласиться, потому что вирусы и смерть тоже — природа. Но в анекдотах торжествует традиционный взгляд на

природу как на нечто подлинное, противостоящее искусственности человеческих условностей, и именно в этом регистре проявляются взгляды на мужское и женское, как в уже упомянутом итальянском анекдоте (1), или в русском:

Многие, находясь на самоизоляции, вообще перестали за собой следить. Усы топорщатся, бороды клочьями, пивные животы. Жуть. А про мужиков я вообще молчу. (11)

При этом русская шутка способна распространить фактор природности и органичности, свойственной идеализированной пандемийной Италии, даже на общественное устройство России:

Из-за карантина в каналах Венеции вода стала чистой и туда вернулась рыба, в каналы Милана вернулись лебеди, в порт Кальяри вернулись дельфины, а в Россию – монархия. (13)

Подведём итоги: тематический анализ анекдотов пандемийной эпохи в России и Италии выявляет разные национально-детерминированные подходы к пониманию благополучия: итальянские анекдоты чаще эксплуатируют тему доковидной «нормальности», русские — тему минимизации потребностей в кризис. Объектом черного юмора в обеих странах зачастую выбираются представители значительно удаленных в социальном пространстве групп, например, политики. Концепт природы в русских и итальянских анекдотах используется противоречиво: с одной стороны — как эталон устойчивости и чистоты, с другой — как нечто противоположное и даже враждебное социальной жизни человека. Кроме того, обращаясь к словотворческому потенциалу жанра, можно констатировать, что в эпоху пандемии анекдот довольно редко становился сферой появления неологизмов.

Список литературы

1. Абилюдинова Ж.Б. Жанровая специфика анекдота // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 21 (202). — Филология. Искусствоведение. Вып. 45. — С. 5–9.
2. Дементьев В.В. Ковид-анекдоты в Рунете: тематические и структурные типы // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 766–789. DOI:10.24147/2413-6182.2021.8(4).766-789.
3. Завьялова Е. Е. Российские анекдоты на «коронную» тему: проблематика и поэтика // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2021. — № 3. — С.259-295.
4. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ "Колледж", 1997. — С. 144-153.
5. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25–34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.

6. Катермина В.В., Липириди С.Х. Лексика пандемии коронавируса как отражение социально-бытовых реалий 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2022. — № 2 (45). — С. 7-15.
7. Кулинич М.А. Пандемия в зеркале англоязычного и русскоязычного юмора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — №3. С. 99–110.
8. Левин, С.М. Методы улучшения психического здоровья студентов в условиях вынужденного дистанционного обучения и социального дистанцирования // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2021. — № 1 (40) — С. 66-78. DOI 10.18799/26584956/2021/1(40)/1086.
9. Манукян Я. А., Трофимова Н.А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 218—234. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-218-234.
10. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Когнитивные механизмы юмора как копинг-стратегии в Internet в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Медицинская психология в России. — 2021. — Т. 13, № 3. — С. 1. — DOI: 10.24412/2219-8245-2021-3-1
11. Северская О.И. Ковидиоты на карантинках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 887–906. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.
12. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот : Текст и речевой жанр. - Москва : Яз. славян. культуры, 2002 (Калуга : ГУП Облиздат). - 143 с. - (Studia philologica. Series minor).
13. Bischetti L., Canal P., Bambini V. Funny but aversive: A large-scale survey of the emotional response to Covid-19 humor in the Italian population during the lockdown // Lingua. — 2021 — Vol. 249, 102963. — <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2020.102963>.
14. Espinoza Lolos R. Nature and pandemic // Elementa. Intersections between Philosophy, Epistemology and Empirical Perspective. 2001. - N.1 (1-2). - P. 33-46. DOI: <https://dx.doi.org/10.7358/elem-2021-0102-espi>.

Список источников

15. Анекдоты из России [Электронный ресурс] / Сост. Дима Вернер – [Б.м.], 1995. – URL: <http://www.anekdot.ru> (дата обращения: 10.02.2023).
16. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Институт лингвистических исследований Российской академии наук ; составители: Х. Вальтер, Е. С. Громенко [и др.]. - Санкт-Петербург : Ин-т лингвистических исследований, 2021. - 548 с.
17. Barzellette sul COVID [Электронный ресурс] / Barzellette – – [S. I.: s.n.]. – URL: <http://barzellette.a-jokes.com/barzellette-covid.htm> (дата обращения: 10.02.2023).

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 02 (94), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.03.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 6,7. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru